

INSPIRIA

ОНА СОВСЕМ НЕ ТА, КЕМ КАЖЕТСЯ...

ЛГУНЬЯ

НАТАЛИ БАРЕЛЛИ

INSPIRIA

Ток. Преступления страсти

Натали Барелли

Лгунья

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

Барелли Н.

Лгунья / Н. Барелли — «Эксмо», 2019 — (Ток. Преступления
страсти)

ISBN 978-5-04-171243-3

Меня зовут Ханна Уилсон, и я лгунья. Это слова, которые Клэр мечтает услышать. От нее. Женщины, разрушившей ей жизнь. Клэр Петерсен родилась в одной из самых богатых семей Нью-Йорка. У нее было все. До тех пор, пока в их доме не появилась прислуга по имени Ханна Уилсон, ложно обвинившая ее отца в сексуальном насилии... И вот теперь, десять лет спустя, Ханна вновь появляется в жизни Клэр. На этот раз уже сама лгунья подыскивает себе новую горничную, прислугу. Это – знак судьбы. Наконец-то Клэр сможет подобраться к обидчице совсем близко, чтобы отомстить и навсегда очистить от грязи свое имя...

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-171243-3

© Барелли Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Натали Барелли

Лгунья

Natalie Barelli
THE HOUSEKEEPER

Copyright © 2019 Natalie Barelli
All rights reserved

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Я сижу в большом кресле. Квадратное, с широкими подлокотниками, оно настолько удобное, что мне не хочется покидать его. Кожа выделана под винтаж. «Потрепанность», так это называется. На самом деле, не совсем мой стиль, но, вне всякого сомнения, это самое удобное и мягкое кресло, в котором я когда-либо сидела. Неудивительно, ведь оно стбит более двух тысяч долларов.

Я жду человека, который устроит мне собеседование. Это его магазин – «Мебельный улей». На самом деле у меня нет никакого желания здесь находиться – если не считать кресла, – поэтому я поскорее покончу с этим, а потом отправлюсь домой.

Владелец магазина заходит и хмуро смотрит на меня. Я, стыдясь того, какое наслаждение получала от его мебели, поспешно встаю, чувствуя, как краска разливается по шее, и пожимаю ему руку.

– Здравствуйте, я Джек. Прошу прощения, повторите еще раз, как вас зовут?

– Клэр.

Он дергает головой – едва заметно – и улыбается, словно ожидает услышать хохму.

– Меня так зовут! – чирикаю я веселым певучим голосом, который использую, когда хочу понравиться людям. Но Джеку, похоже, кажется, что я не соответствую своему имени. И он прав. Имя красивое, но на меня оно было потрачено впустую. Все Клэр высокие и элегантные. Добрые, солнечные женщины с открытыми лицами и благими намерениями.

Про меня подобного не скажешь. Я настолько *не-Клэр*, насколько это вообще возможно. Я ленива и страдаю избыточным весом. У меня плохая кожа. Волосы у меня всегда обвисшие, сколько бы косметических средств я в них ни втирала. Всё во мне выцветшее и бурое. Мне больше подошло бы имя Шароле¹. Что-нибудь в таком духе. Или Корова. Хотя Эйприл утверждает, что я не толстая, а просто немного запустила занятия в тренажерном зале.

Джек расцепляет рукопожатие и быстро вытирает свою руку о карман пиджака.

– Так, хорошо... Прошу сюда.

* * *

Порой, когда у меня есть время подумать об этом – что, должна признаться, бывает нечасто, – я действительно нахожу себя странной. Раньше такого не было, но обстоятельства подтолкнули меня переступить черту. Теперь все остальные кажутся мне нормальными и хорошо приспособленными. У них есть друзья; они ходят в библиотеки, живут в пригородах и по воскресеньям смотрят, как их дети занимаются спортом, – а потом жарят во дворе своего дома барбекю. Они устраивают званые ужины и пьют ледяное шардоне из высоких запотевших бокалов на тонких ножках; они смеются над шутками, которые рассказывают друг другу, затем вспоминают какой-нибудь смешной случай из общего прошлого и долго спорят о том, кто помнит его лучше, – и все это напоминает эпизод из телесериала «Друзья». А я тем временем сижу у себя в комнате, ем кукурузные лепешки, обмакивая их в острый соус, и сопереживаю героям сериала «Месть»².

У меня есть лишь одна подруга: Эйприл. Я познакомилась с ней через интернет, когда искала себе жилье. «Большая комната в двухкомнатной квартире. Все включено!»

---

¹ Шароле – французская порода домашнего скота (коровы, лошади и овцы).

² «Месть» – американская мыльная опера, вышедшая на экраны в 2011 г.

В комнате нет ничего сногшибательного. Первое время я считала, что назвать ее большой можно было с большой натяжкой – непреднамеренный каламбур, – но в ней хватает места для двуспальной кровати, втиснутой между стеной и ночным столиком. А еще в ней есть шкаф. На одной из его дверей красуется ростовое зеркало, которое я заклеила куском обоев. Окно выходит во двор; я предпочла бы улицу, но по крайней мере там тихо. Кроме зимы. Потому что зимой масляный обогреватель сходит с ума, издавая такие звуки, будто по нему колотят молотком.

Эйприл усердно вкалывает – она юрист, занимается подбором персонала и постоянно занята. Ей удалось взять ипотеку, которую, по сути, частично выплачиваю я. Иногда Эйприл даже готова вместо денег брать вещами, как, например, взяла подарочный набор «Ив Сен-Лоран». Я стащила его в магазине, но сказала, будто мне вручили его в подарок за то, что я выложила в социальные сети очень хорошую фотографию основателя бренда. Похоже, Эйприл несколько не смутил разрыв на упаковке там, где был приклеен ценник.

– Ты формируешь мнения? – широко раскрыв глаза от удивления, спросила она.

Обмануть Эйприл так легко, что мне становится как-то не по себе, особенно если учесть, что работа ее заключается как раз в том, чтобы никто ее не обманывал. Эйприл спросила так лишь потому, что знает о моем пристрастии к социальным сетям, и, может быть, потому, что я изредка вру. Как-то раз, когда она спросила у меня, чем я занимаюсь, часами уставившись в экран, я показала ей гламурные снимки, сделанные другими людьми, и сказала, что все они мои.

На самом деле я работаю всего дважды в неделю, по утрам, а все остальные дни провожу, зависая в телефоне и издеваясь над пользователями «Инстаграма³». В этом есть что-то странное? Я не знаю. Иногда говорю себе, что раз я не обитаю в темном подземелье, питаюсь содранной со стен плесенью, то со мной всё в порядке. Я не сумасшедшая. Это просто навязчивая страсть.

Она началась так же, как и любое пристрастие к социальным сетям: мне захотелось посмотреть, чем сейчас занимаются все те, кого я когда-то знала. В первую очередь речь шла о девочках, вместе с которыми я выросла. Они вели тот же самый роскошный образ жизни, что и я, их родители были завсегдатаями тех же самых клубов для избранных, что и мои родители, и даже пользовались услугами тех же самых стилистов и продавцов-консультантов. Они отдыхали там же, где отдыхали мы: зимой – на горнолыжном курорте в горах Колорадо, летом – на островах Карибского моря, по выходным – в престижных Хэмптонсе⁴ или в Кейп-Коде⁵. Я не знала никого за пределами этого мира до тех пор, пока не оказалась отрезана от него.

Через какое-то время наблюдение за бывшими знакомыми превратилось в нечто большее, чем увлечение. По сути дела, эти женщины жили моей жизнью. Я представляла себя на их фотографиях, вырезала свое лицо и накладывала вместо их лиц. Я воображала, будто замужем за их мужьями или помолвлена с каким-нибудь крутым типом, который окончил престижный университет и готовится сменить своего отца во главе крупного финансового фонда. Как и у них, у меня к настоящему времени уже должны были быть дети, а также невероятно важная и блестящая работа. Как и они, я должна была быть страшно занята, разрываясь между идеальной личной жизнью, идеальной карьерой и идеальными детьми! Однако на самом деле я абсолютно свободна – если не считать сомнительной работы в кабинете доктора Лёве по утрам два раза в неделю; вот почему у меня есть время копаться в «Инстаграме».

Моя страничка в интернете не имеет с реальной мной ничего общего. Кого заинтересует угрюмая, недовольная всем двадцатичетырехлетняя неудачница? Мои пятьдесят пять подпис-

---

³ Сайт признан в РФ экстремистским и запрещен.

⁴ Хэмптонс – несколько деревушек на о. Лонг-Айленд, также известных как американский Лазурный Берег.

⁵ Кейп-код – самая восточная точка штата Массачусетс.

чиков считают меня «публицистом-фрилансером, неисправимой оптимисткой». Я выкладываю коллажи общедоступных фотографий. На них я, которая не я, в экзотических местах, мой лжеофис со *сногшибательной «доской желаний»*, мой крутой приятель (по крайней мере, его затылок) в постели, частично прикрытый скомканной простыней. На самом деле просто невероятно, насколько все это легко! Я даже особо не парилась. Меня интересует только издевательство над своими бывшими «подругами».

Так что нет, никакие там мнения я не формирую. Об этом нечего и говорить. Но я отдала Эйприл украденный набор в качестве арендной платы за целый месяц, что было очень кстати.

И на этом собеседовании я сейчас только из-за нее. В противном случае я ни за что не стала бы себя утруждать, но у Эйприл есть *это*. Вера в меня, как я это называю. Она упорно старается вытащить меня из нужды. Словно миссионер, присланный в чужую страну проповедовать силу позитивного мышления, где чужая страна – это я.

– Эйприл, я не хочу, чтобы меня отсюда вытаскивали. Мне нравится моя нужда. Потребовалось столько усилий, чтобы в ней оказаться... С какой стати мне от нее отказываться?

– Ты упиваешься собственными страданиями. Я просто не понимаю, почему ты на себя плюнула. Ты очень красивая. Просто, сама знаешь, нужно привести в порядок кожу, сделать макияж, каждый день ходить гулять – и ты мгновенно сбросишь несколько фунтов. Ты сама себя не узнаешь.

– Из тебя получился бы великолепный оратор-вдохновитель. Или глава религиозного культа.

– Ты сама не понимаешь, чего себя лишила, только и всего. Найди работу. Почаще выходи из дома. Заведи друзей, и ты сама увидишь.

– Как скажешь... Оладьи еще остались?

...Владелец «Мебельного улья» – хороший знакомый Эйприл. Он мимоходом обмолвился ей, что магазин ищет нового администратора, человека, который будет вести учет, выписывать счета, и – для нее это стало решающим аргументом – *который будет заниматься маркетингом в социальных сетях*. Она порекомендовала меня.

– Это тебе идеально подходит. Ты – как раз та, кто ему нужен.

– Но у меня уже есть работа.

– Отвечать на телефонные звонки два дня в неделю едва ли можно назвать успешной карьерой. Даже если за это хорошо платят.

Эйприл частенько недоумевает, как мне удастся платить тысячу триста двадцать долларов в месяц за аренду, работая два раза в неделю по полдня в маленьком медицинском кабинете на окраине. Подобно большинству людей, если б могла вообще не работать, я не работала бы. Однако от тех денег, что были в нашей семье, давным-давно не осталось и следа. Но мне повезло: когда я заглянула к своему врачу за рецептом антидепрессантов, его секретарша только что уволилась, поскольку одного из пациентов вырвало на ее босоножки. В кабинете воцарился полный хаос, и я предложила: «Доктор Лёве, я вам вот что скажу: сегодня я отвечаю на все ваши звонки, а затем следующие пять приемов у меня бесплатные. Как вам такое?» В конце дня мне предложили постоянную ставку. Я работала два дня в неделю за жалкие одиннадцать долларов в час с восьми утра до полудня, когда меня сменяла Салли, другая секретарша.

На второй неделе я пришла в кабинет на двадцать минут раньше срока и застала доктора Лёве получающим удовольствие с помощью интернет-странички, посвященной большим сиськам.

– Если хотите, можете пощупать мои, – предложила я. – Сто долларов.

Груды у меня большие, и в настоящее время не используются. Я рассудила, что можно заставить их немного поработать. Все получилось просто замечательно. Настолько, что мое еженедельное жалованье поднялось до двухсот пятидесяти долларов. Ну а что? Я ленива.

Нужно ли говорить, что об этой стороне моей работы Эйприл не знает, и когда она говорит: «В каждой работе есть достоинство, какой бы черной она ни была», – то имеет в виду обработку телефонных звонков.

– Но ты способна на большее, Клэр! Разве ты не хочешь сделать карьеру? Построить свою жизнь?

– Нет, не хочу. И у меня нет абсолютно никакого опыта. Я имею в виду, *реального* опыта в маркетинге.

– Это не маркетинг, Клэр. Это работа администратора. С широким кругом обязанностей. Вот в чем вся прелесть, разве ты не видишь? Ты *сможешь* стать маркетологом, потому что это у тебя будет хорошо получаться!

– Ну, в любом случае мне нечего надеть на собеседование, так что вопрос закрыт.

Эйприл печально покачала головой.

– Вечно ты преувеличиваешь...

И не успела я опомниться, как она уже оказалась в моей комнате, вытаскивая из шкафа одежду и швыряя ее через плечо на незаправленную кровать.

– Клэр, у тебя столько красивых вещей! Почему ты их не носишь?

– Потому что они мне не идут. Я даже не знаю, зачем храню их. – Выхватив у Эйприл из рук серебристое вечернее платье, я скомкала его и отправила обратно в глубину шкафа.

В конце концов Эйприл остановилась на сшитом на заказ пиджаке спортивного покроя и расклешенных брюках в мелкую черную с белым клеточку.

– Это мое? – спросила я, забирая у нее плечики. Я даже не узнала этот костюм. Не стащила ли я и его тоже? – Даже не думай. Я буду выглядеть нелепо.

– Ты будешь выглядеть бесподобно! Профессионально, но с изюминкой. *Внушительно*.

Ленивые люди бывают на редкость упрямыми, и я – не исключение. Но если Эйприл на что-то настроилась, устоять перед ее натиском не сможет никто. В конце концов оказалось проще уступить, хотя я прекрасно понимала, что у меня практически нет никакой надежды получить работу.

...Но сейчас, когда я здесь, болтаю с Джеком и его коллегой Кейт, что-то меняется. Мне требуется какое-то мгновение, чтобы понять, в чем дело, но затем все встает на свои места. Я получаю *удовольствие*. У меня возникает мысль, что, может быть – *может быть*, – я справлюсь.

– Клэр, расскажите нам о себе.

Едва ли я скажу им правду, но это работа администратора, а обращаться с компьютером и отвечать на звонки я умею. К тому же у меня есть определенный актерский талант. Я осознала это много лет назад и неоднократно использовала себе во благо. Впрочем, Эйприл наверняка наговорила про меня уйму хорошего, потому что Джек и Кейт спрашивают, нет ли у меня каких-либо мыслей насчет продвижения их торговой марки в социальных сетях. Вообще-то есть. Они слушают меня, им нравятся мои мысли, они делают заметки и задают вопросы, они благодарят меня за мои предложения, смеются над моими шутками, что всегда делает меня смелее. И когда тридцать минут спустя я ухожу, эта работа уже кажется мне прикольной. Джек и Кейт производят впечатление милых людей, и я начинаю жалеть о том, что не надела что-нибудь другое. Наряд, который на мне сейчас, принадлежит какой-то высокой и стройной девушке, излучающей уверенность. Истинной Клэр. И на ней – да, конечно, он кричал бы о классе, шике. На мне же он говорит... даже не знаю о чем. Прикольно.

Я выхожу из здания как раз в тот момент, когда мимо проходит женщина с собакой на поводке, какой-то маленькой черной поджарой зверюгой, которая тотчас же принимается лаять на меня, капая слюной с оскаленных клыков.

– Коко! Успокойся! – кричит женщина и виновато смотрит на меня. – Простите, простите, пожалуйста... Коко!

Однако у нее едва хватает сил удерживать непослушную тварь, и когда она тянет поводок обеими руками, ее хорошенькая розовая сумочка от «Кейт Спейд»⁶ сползает у нее с плеча и падает на тротуар. Какое-то мгновение я думаю, не схватить ли мне сумочку и дать деру, но, невзирая на лающее животное, я в хорошем настроении.

– Ничего страшного! – я машу рукой.

И давайте взглянем правде в глаза: это Манхэттен, Верхний Ист-Сайд. Здесь не пройдешь и пяти шагов, не запутавшись в поводке из итальянской кожи ручной выделки, на одном конце которого – светская львица в наряде от «Диор», а на другом – тибетский мастифф.

Женщина милостиво улыбается, подбирает сумочку и собаку и быстро уходит на каблучках, таких тонких и острых, что ими можно было бы играть в дартс. Я достаю сотовый и звоню Эйприл.

– Ну, как прошло собеседование? – кричит она в телефон.

– Ничего, хорошо. Ты где?

– В метро, на «Деланси»... секундочку.

Я сворачиваю на Парк-авеню и, зажав телефон между ухом и плечом, роюсь в сумочке в поисках карточки на метро.

На улице жарко и душно. В такую погоду все стремятся в магазины в поисках кондиционеров. Я обливаюсь потом. К тому же сейчас время обеденного перерыва, и народу по-настоящему много. Мне приходится прилагать все свое мастерство, чтобы не наткнуться на людей.

Аромат дорогих духов заставляет меня поднять глаза. Что-то в этом запахе пробуждает далекие воспоминания, ухватить которые не удастся. А может быть, у меня в ноздрях зашипало от знакомого запаха... Запаха денег.

Я нахожусь прямо перед салоном Алекса Морено, где делают прически все, кто живет поблизости. Из него только что вышла изящная женщина лет сорока с небольшим, одетая в легкий костюм с металлическим блеском. Волосы до плеч теперь идеально уложены. Вероятно, ее зовут Клэр. Без задней мысли я мельком заглядываю внутрь, и на какое-то мгновение весь окружающий мир замирает.

Это *она*.

---

⁶ Кейт Спейд – американский модельер и предприниматель.

Глава 2

Я останавливаюсь так резко, что тот, кто шел следом, натывается на мое плечо, толкая меня вперед. Оборачиваюсь и сверкаю глазами на молодого парня. Тот достает из уха наушник и раздраженно щелкает языком. Оскалившись, я шиплю на него, и парень отскакивает назад и обходит меня стороной. Я возвращаюсь на два шага назад и снова оказываюсь перед салоном.

– Ты слышала, что я сказала? – Это голос Эйприл. Я начисто забыла про телефон, однако прижимаю его к уху с такой силой, что болят хрящи ушной раковины.

– Всё в порядке, Эйприл. Увидимся дома. – Я заканчиваю разговор.

Она *здесь*. В Нью-Йорке, в салоне Алекса Морено. Я бы сказала, что не могу поверить своим глазам, но понимаю, что это правда. Я ее *чувствую*. На меня нахлынули воспоминания, вспоровшие едва затянувшиеся шрамы.

Дверь снова закрывается. Не хочу заходить внутрь. Опасаюсь, что она меня увидит. Узнает ли она меня? Сомневаюсь. По большей части я сама себя не узнаю. Во мне не осталось ничего от той стройной, уверенной в себе девушки, какой я была тогда, много лет назад. *Тогда* у меня были фарфоровая кожа и длинные волнистые светлые волосы, ниспадавшие на спину. Теперь кожа тусклая, а волосы безжизненно облепили череп. Если б меня сейчас увидела моя мать, клянусь, после всех тех денег, которые было потрачено на мое образование и внешний вид, она умерла бы. Впрочем, ее уже давно нет в живых, поэтому...

Это должна была быть *я*. Там, в салоне. Это мои волосы должен укладывать сам Алекс Морено, звездный парикмахер. А *она* должна была бы стоять у себя дома, склонившись над маленькой обколотой раковиной, с волосами, липкими от дешевой краски карамельно-коричневого цвета. Струйки холодной воды стекали бы по ее затылку, намочив горловину футболки.

Я подхожу вплотную к витрине, однако матовое стекло практически не позволяет разглядеть что-либо внутри. Я сдвигаюсь туда, где больше стекла и меньше матового, обхватив руками лицо.

Вот она. Я смотрю на нее в большое настенное зеркало и чувствую, как то, что осталось от моего сердца, разбивается вдребезги на тысячу осколков. Она листает журнал, опустив взгляд. Более привлекательная, чем мне помнится, более... женственная, уверенная в себе. Есть что-то в том, как она проводит длинным указательным пальцем по брови. У нее за спиной тип с коротким «ежиком» размахивает вокруг ее головы феном, и в какой-то момент волосы разлетаются во все стороны и она становится похожа на Горгону.

И тут она поднимает голову. Смотрит на меня. Наши взгляды встречаются, и я отступаю назад, затаив дыхание. Но на мне огромные темные очки, дешевая подделка под «Барберри», и, как я уже говорила, внешне я несколько не похожа на ту счастливую наивную тринадцатилетнюю девочку, которой была *тогда*. В доказательство этого она снова смотрит на себя, наблюдая за тем, как распрямляют и укладывают ее волосы. Она понятия не имеет, кто я такая.

На углу расположилась итальянская булочная с одним-единственным кованым железным стулом за круглым столиком на улице. Я стремглав несусь к ней, чувствуя, как по телу струится пот. И дело тут, пожалуй, не только в температуре. Усаживаюсь на стул и, уронив сумочку на стол, перерываю ее содержимое в поисках мятой пачки гигиенических салфеток, после чего промокаю с затылка капли пота, прикладываю к уху телефон и делаю вид, будто слушаю, однако мой взгляд не отрывается от двери салона.

Что она делает в Нью-Йорке? Она ведь живет в каком-то захолустье, разве не так? Где-то в холодной глуши, где во льду выпиливают круг, забрасывают туда удочку. Что-то вытаскивают и называют это обедом. Должно быть, она купается в деньгах, раз может позволить себе укладывать волосы у Алекса Морено. Неужели не боится, что ее могут узнать? Я с такой яростью кусаю заусенец на большом пальце, что выступает кровь. Маленькая красная капелька. Я по-

прежнему прижимаю телефон к уху, когда грузная женщина с жесткими черными кудрями и в белом фартуке подходит к моему столику, сердито наклонив голову набок.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – резко спрашивает она.

«Нет. Скройся!»

Я больше не смотрю на салон-парикмахерскую. Указываю на телефон, словно это все объясняет, поскольку не собираюсь тратить пять долларов на чашку кофе – даже если он сварен на воде из ледников Исландии, после чего еще раз отфильтрован для большей чистоты. Я собираюсь сказать, что мой жених попал в аварию и я пытаюсь выяснить, в какую больницу его доставили, когда *она* проходит прямо мимо меня.

Она не замечает меня, даже не бросает искоса взгляд в мою сторону. Поправляет на плече ремешок сумочки от «Шанель», и я замечаю у нее на пальце платиновое обручальное кольцо с бриллиантом.

– Нет, спасибо, – говорю я.

Швыряю телефон в сумочку и иду следом.

* * *

Я понятия не имею, куда мы направляемся и сколько времени это займет, но тем не менее следую за ней по пятам. Держусь чуточку позади, чтобы хорошо ее видеть, но в то же время не наткнуться на нее, если она вдруг остановится. Она выглядит такой красивой, такой уверенной в себе... Легкая юбка, летающая вправо и влево в такт шагам, такая же легкая джинсовая куртка, которая смотрится стильно и изящно; густые каштановые волосы, расчесанные посредине, ниспадают на плечи. Как и юбка, волосы красиво подпрыгивают при каждом шаге, а я кусаю губы и вонзаю ногти себе в ладони.

Она переходит на противоположную сторону Мэдисон-авеню и ненадолго останавливается перед бутиком «Ральф Лорен». Если обернется прямо сейчас, то увидит меня торчащей на углу подобно живой статуе. Я чувствую себя на виду у всех. Роюсь в сумочке, достаю сотовый и делаю вид, будто смотрю на экран, однако все это время не отрываю от нее взгляда. Она поднимает на макушку свои солнцезащитные очки – настоящие «Барберри», готова поспорить, а не какая-то дешевая подделка, подобранная в автобусе.

Надо же такому случиться – мне приходит сообщение... От Эйприл.

Всё в порядке?

Но *она* снова двинулась дальше. Поднимает руку, чтобы взглянуть на часы, и ускоряется, и я прихожу к выводу, что она опаздывает. Надеюсь, что она не станет ловить такси, однако если это произойдет, то я сфотографирую номерной знак, чтобы потом можно было позвонить в таксопарк и сочинить какую-нибудь историю, выяснив конечную цель поездки.

На следующем перекрестке – французская кондитерская. Мне она хорошо знакома. Я обычно заглядываю в нее, чтобы купить миндальное печенье, потому что еда – это все, чем я занимаюсь. Но не сейчас.

Сейчас мы идем вдоль Центрального парка, и я обильно потею. Плотная ткань штанов натирает внутреннюю сторону бедер. Да, знаю, в такую погоду нужно было бы надеть юбку, но я не из тех, кто носит юбки. Только не с *таким* телом.

Она сворачивает на Восточную Шестьдесят третью улицу, и я перехожу на противоположную сторону, перед тем как сделать то же самое, словно иду куда-то по своим делам. Она останавливается перед одним из самых красивых особняков в районе. Камни оттенка «красная охра», просторная терраса на верхнем этаже. И тут, внезапно, входная дверь распаивается и проглатывает ее.

Когда-то я жила в двух кварталах от этого места. Все вокруг мне знакомо, потому что это часть моего детства; вот почему я никогда не прихожу сюда без крайней необходимости.

Я жду несколько минут на тот случай, если она появится снова, после чего пересекаю улицу и разглядываю входную дверь. Никакой таблички нет, нет ничего, что указывало бы, к кому она пришла. Я прижимаю ладонь к камню. Его неровная текстура впивается в мягкую кожу. Я давлю до тех пор, пока не становится больно.

– С вами всё в порядке? – Я оборачиваюсь. – Помощь не нужна?

– Нет, спасибо, – самым милым голосом говорю я пожилой женщине. Та кивает и уходит прочь.

Когда-то у меня была жизнь, лучше, чем у большинства людей. Такая жизнь, когда ты живешь в особняке вроде этого.

Но затем появилась Ханна Уилсон и отобрала у меня эту жизнь.

* * *

Не проходит и дня, чтобы я не думала о Ханне Уилсон. Иногда я очень стараюсь *не думать* о ней, но это только делает все гораздо хуже. Ханна Уилсон – словно короста на моем сердце. Я вспоминаю события десятилетней давности. Без задней мысли, просто так получается. Представляю другой исход. Тот, в котором мы узнаём, кто она такая на самом деле, пока еще не слишком поздно. В этой фантазии весь мир выясняет, какая она плохая и как несправедливо обошлись с нашей семьей. Весь мир жалеет нас, а Ханна Уилсон отправляется за решетку. Но это лишь еще больше злит меня.

* * *

Когда я возвращаюсь домой, Эйприл уже там. Она никогда не приходит раньше семи.

– Неужели уже так поздно? – изображаю я удивление мужа, обещавшего быть дома к ужину, но вместо этого задержавшегося в баре, чтобы пропустить по стаканчику с друзьями.

– Ты получила работу, – говорит подруга, пропуская мой вопрос мимо ушей. Она стоит перед раковиной, спиной ко мне. Открывает и закрывает воду и ставит в сушилку посуду, оставшуюся с завтрака.

– Откуда ты знаешь?

– С тобой связаться не смогли, поэтому позвонили мне. Где ты пропадала весь день?

– Хо, я получила работу... Ого! – Я поддвигаю стул и плюхаюсь на него. Я удивлена. И польщена, этого не отнять. Наверное, если б не встреча с Ханной, я, пожалуй, приняла бы это предложение. Странно думать об этом, учитывая то, сколько времени я потратила, уклоняясь от *настоящей* работы.

Эйприл оборачивается ко мне.

– Ты довольна?

– Эйприл, я не пойду на эту работу.

– Это еще почему, черт побери?

«Потому что не может быть и речи о том, чтобы я устроилась на работу и продолжала жить своей жизнью. Только не теперь, когда *она* вернулась».

– Это не для меня. Извини.

Я пробую улыбнуться, но Эйприл качает головой и отворачивается к раковине. Я заполняю пустоту, рассказывая, как сожалею об этом и как признательна ей за ее усилия.

– Ты хороший человек, Эйприл. И хорошая подруга.

– В следующий раз сама будешь мыть за собой посуду. Я тебе не прислуга!

После этого мы не разговариваем. Эйприл старается вести себя как ни в чем не бывало: переодевается в спортивные брюки и футболку, натягивает носки и плюхается на диван перед телевизором. В какой-то момент встает и разогревает миску вермишели либо какого-то низкокалорийного блюда, запас которых хранит в морозилке. Я удаляюсь к себе в комнату, где меня ждут запасы чипсов и шоколадных батончиков, и не сплю полночи, ища Ханну Уилсон в социальных сетях.

В мире много Ханн Уилсон, но та, которая мне нужна, не любит социальные сети, что неудивительно, если задуматься. Однако несколько лет назад я узнала, что она является совладелицей канадского цветочного магазина с названием «99 лепестков». Это была открытая страничка, и там висела фотография, на которой Ханна стоит перед магазином вместе с другой женщиной. Внизу было написано ее имя, однако я и без этого тотчас бы ее узнала. Я тогда с такой силой прикусила изнутри щеку, что потом было больно есть. Ханна выглядела счастливой, что было хуже всего.

Сначала я предположила, что она там работает, но, прочитав статью – что-то о первой годовщине магазина, – выяснила, что она владеет им вместе с той женщиной с фотографии. От понимания того, что Ханна добилась успеха, что у нее отличная жизнь, захотелось кого-нибудь укусить.

Я позвонила к ним в магазин и заказала цветов на несколько тысяч долларов. Я была очень убедительна – сказала, что цветы предназначаются для праздника в соседней церкви и что флорист, чьими услугами мы обычно пользуемся, не смогла удовлетворить наши запросы. Я назвала настоящие имя и адрес и даже перевела сто долларов аванса. После чего дождалась назначенного дня, когда, по моим подсчетам, все уже должно было быть готово, позвонила в банк и заявила об утере кредитной карточки. Никаких цветов в Торонто я не заказывала. С какой стати мне это делать, я там никого не знаю. После чего добавила:

– Однако это странно, потому что с карточки одной моей знакомой также списали без ее ведома несколько тысяч долларов, якобы за покупку цветов. Я уверена, что это то же самое место. Может быть, вашему отделу по борьбе с мошенничествами следует к ним присмотреться? Очень похоже на прикрытие какого-то противозаконного бизнеса...

Не знаю, потерял ли магазин в конечном счете несколько тысяч долларов или же банк расследовал его деятельность на предмет махинаций, но мне хочется думать, что произошло и то и другое.

Так или иначе, я не нашла Ханну Уилсон. Ни в «Фейсбуке», ни в «Твиттере» ничего. Я прошерстила «Инстаграм», но не обнаружила ничего свежего. Лишь пара давних фотографий на странице того цветочного магазина.

После этого я попыталась заснуть, но мне удалось урвать лишь несколько коротких мгновений, когда у меня смыкались глаза и начинался сон, в котором я падала.

Глава 3

Сегодня утром Эйприл ушла не попрощавшись. Я приготовила себе кое-какой завтрак, после чего позвонила в салон Алекса Морено и сказала, что звоню по поручению Ханны Уилсон.

– Кого? – удивленно спросила женщина на том конце.

– Ханны... – Я осеклась. Она больше не Уилсон. Я ведь видела обручальное кольцо. С камнем размером с небольшую планету. – Ханны. Она ведь была у вас вчера утром, ближе к обеду?

– О, вы имеете в виду миссис Картер?

Миссис Картер. Ну хорошо, Картеров тут полно, но это уже хоть что-то.

– Извините, мы с ней давние подруги, – говорю я, внутренне давясь от хохота. – Я так долго знала ее под девичьей фамилией, что постоянно забываю, что она ее сменила! – Я смеюсь, и женщина на том конце тоже смеется, потому что мастерски владеет искусством ублажать клиентов.

– Я звоню, чтобы узнать: вы, случайно, не находили ее очечник? Перламутровый, с золотым ободком. Ханне кажется, что она могла забыть его у вас.

Женщина обещает проверить немедленно; я подожду? Конечно. Спасибо. В трубке шум и голоса, но приглушенные, словно телефон прикрывают рукой. Затем женщина возвращается; она очень сожалеет, но никакого очечника не нашли. Миссис Картер уверена, что забыла его в салоне?

– Нет, она просто предположила... Ладно, если вы случайно его найдете, не могли бы вы доставить его миссис Картер?

Слышу, как женщина втягивает воздух. Ее возмущение понятно. В конце концов, что мешает миссис Картер самой приехать и забрать очечник? И если его нет здесь сейчас, с какой стати он объявится позже? Но, опять же, вышколенное до совершенства умение общаться с клиентами. Как только закончу разговор, обязательно оставлю хвалебный комментарий на страничке отзывов.

– Разумеется. Будем рады помочь.

– Адрес у вас есть?

– Минуточку. – Я слышу стук пальцев по клавиатуре, опасаясь того, что она попросит меня продиктовать его. Уже подумываю о том, чтобы завершить разговор – «Упс, извините, въезжаю в тоннель, не слышу вас», – но тут она зачитывает адрес и спрашивает: – Он самый?

В груди у меня все обрывается, и я тотчас же даю отбой. Это то самое здание, в которое Ханна зашла у меня на глазах. Этот особняк – наверное, он относится к самой дорогой недвижимости Манхэттена. И Ханна там *живет*? Я кусаю указательный палец до тех пор, пока не начинает идти кровь; оставляю на коже маленькие багровые следы от зубов в форме полумесяца. После чего ударяю кулаком по столу, едва не опрокинув кружку. Схватив ее, что есть силы швыряю в сторону раковины, но она даже не разбивается.

* * *

Час спустя я медленно прохожу мимо здания, украдкой глядя на массивную дубовую дверь, после чего направляюсь в конец квартала. Посмотрев по сторонам и убедившись в том, что на улице никого нет, заворачиваю за угол и прислоняюсь к кованой чугунной ограде. У меня нет никакого плана, потому что я бесконечно глупа. Я даже не могу ходить взад и впе-

ред по улице; меня арестуют, прежде чем я успею сказать: «Ханна Уилсон, помните ее?» Но поблизости нет ни кафе, ни парка, где можно было бы посидеть и спокойно подумать.

Однако здесь есть бар. Прямо напротив. Роскошное заведение, отделанное натуральной кожей и красным деревом, где можно не спеша потягивать односолодовый виски. Не в моем вкусе, но бар откроется к обеду, и там большое окно из маленьких стеклянных квадратов в деревянной раме. Мне нужно убить два часа до открытия, поэтому я направляюсь к Центральному парку, расположенному буквально под боком, и нахожу свободную скамейку. Если Ханна живет в этом доме, то спешить некуда.

Достаю телефон и выхожу в «Инстаграм». Грудь сдавливает нехорошее предчувствие. Я ищу миссис Ханну Картер, и бах! – в глаза бросается ее лицо, красивое и счастливое. Боль такая сильная, что мне приходится положить телефон на колени экраном вниз. Но я должна знать правду, поэтому снова смотрю на экран, и с каждой новой изысканной фотографией у меня все сильнее стискивает желудок.

Ханна Картер венчается в церкви Небесного покоя, повсюду цветы. Миссис Картер, видение в белом облаке и маленьких розовых бутонах. Миссис Картер стоит у входа в церковь с конфетти в волосах, смеясь над тем, что сказал ей муж. Мистер Картер одной рукой обнимает жену за талию, а в другой держит бокал с шампанским, в вечерних сумерках на террасе. Затем миссис Картер проводит медовый месяц в живописном городке в Провансе, делает селфи на фоне зеленых виноградников. Еще одно селфи, на котором они оба, на балконе с видом на Эйфелеву башню. На всех фотографиях у мистера Картера такой вид, будто он не может поверить в свое счастье, а миссис Картер буквально сияет в объектив. Я снова кусаю пальцы настолько сильно, что обязательно останутся следы.

«Чтоб ты сдохла, миссис Картер!»

Как ей это удалось? Как она околдовала мистера Картера? Она может позволить себе бракосочетание на Манхэттене и медовый месяц во Франции, в то время как я вынуждена трясти своими сиськами, чтобы хватило денег на оплату комнаты? После смерти родителей я с трудом наскребала на жизнь, таская деньги у родственников и протирая столы в кафе. Никто не предложил мне выйти замуж со списком гостей на сто человек, по двести долларов за голову, белье и украшения отдельно...

Наклоняю голову, вжимаю ладонь в лоб и усилием воли заставляю себя успокоиться. Теперь, когда снова я нашла Ханну, возможно, мне удастся что-нибудь предпринять. Это будет полномасштабный проект. Который позволит отвлечься. Через считанные минуты мой пульс возвращается к приемлемым значениям, и я снова дышу нормально.

Снова смотрю на экран телефона. Он не то, что я ожидала, этот мистер Харви Картер, а это значит – он именно то, что я ожидала. Не очень привлекательный внешне, определенно не под стать ей. Ему уже под пятьдесят, а может быть, и пятьдесят с лишним. Он носит очки с толстыми стеклами, а на темени у него лысина. Лицо круглое, и на всех фотографиях он улыбается. Чем-то напоминает моего отца. Пульс опять уносится прочь. Я поднимаю взгляд, чтобы сделать вдох, – и вот она, проходит мимо меня, всего в нескольких шагах. Судя по всему, она только что свернула со своей улицы.

Запихиваю телефон в сумочку и иду следом за ней по Пятой авеню. Через два квартала она сворачивает к дому, и я, дождавшись, когда она скроется внутри, читаю бронзовую табличку у двери. «Мэлоун, доктор медицинских наук, психолог». Это повышает мне настроение. Неужели лодка любви уже налетела на рифы? Неужели жизнь оказалась сложнее, чем она думала? Я делаю фотографию на телефон и загружаю ее на свою фальшивую страничку в «Инстаграме».

#ЕстьЛюдиПлохие #ЕстьЛюдиБольные #ЕстьЛюдиПлохиеиБольные

Сразу же получаю несколько комментариев, по большей части потому, что это слишком загадочно, а я никогда ничего подобного не выкладывала.

#ВыУзнаетеВсюПравду

Не дожидаясь Ханны, хватаю в кафе рогалик с кремом и возвращаюсь назад, съедая его по дороге. Убиваю время, где-то около часа, заходя в модные бутики и примеряя вещи, о которых мне не приходится даже мечтать. Затем захожу в тот бар, сажусь у окна и заказываю чашку кофе. Ханна возвращается и заходит в дом, но после этого ничего не происходит. После третьей чашки кофе миловидная официантка интересуется, не жду ли я кого-нибудь. Я чувствую, что меня жалеют. Она думает, что меня кинули, но я просто не могу в это поверить и собираюсь ждать столько, сколько потребуется, поскольку в глубине души верю, что *он* рано или поздно обязательно придет.

– Нет, я никого не жду, – отвечаю я, разрушая ее фантазии.

– О, – говорит она, изгибая свои хорошенькие губки в правильный кружок, словно собираясь выпустить колечко дыма и уходит, одарив меня мимолетной улыбкой.

Смеркается. В доме Ханны загорается свет. Стеклянные двери на каменную террасу распахнуты настежь, и мне видна огромная хрустальная люстра.

... На следующий день я снова занимаю место у окна и отмечаю, как переглядывается персонал бара. Официант другой, молодой парень с очень тонкими пальцами и длинным вихром на голове.

– Вы кого-нибудь ждете?

Я улыбаюсь.

– Нет. – Но я готова к его вопросу. – Вы ничего не имеете против? Я пишу сценарий... – Достая блокнот и ручку.

Одна половина его губ поднимается в прообразе улыбки.

– Вот как? Для кино?

– Не совсем.

Я улавливаю тень снисхождения в том, как он поднимает подбородок. Я только что подтвердила, что я – никто. Одна из миллиона тех, кто собирается отправить свою писанину Мартину Скорсезе⁷ и получить «Оскар».

– Это для «Нетфликс»⁸. Сериал. Пока что мы продали только первый сезон, но надежд много. – Я улыбаюсь.

Теперь парень заинтересован. Разговор продолжается: я с ручкой в руке и дружелюбный официант.

– Вот как? Можно спросить, о чем он?

«О жуткой женщине, которая понесет заслуженное наказание».

– Вообще это криминальная история. О женщине, которая соблазняет женатых мужчин и убивает их. Но работать дома невозможно. Постоянный шум. У нас ремонт, сразу во всех пяти ваннах. Просто кошмар какой-то! В общем, мне выставили жесткие сроки, а поскольку я также присматриваю места для натуральных съемок... кстати, тут очень мило. Я упомяну вас на ближайшем худсовете – как знать...

– Ого, это было бы просто здорово! – Парень спешит к стойке, где его коллеги протирают стаканы, и они втроем о чем-то шепчутся, время от времени посматривая в мою сторону. После этого меня оставляют в покое, поскольку, сами понимаете, мне нужно работать.

Но тут дверь дома напротив открывается и выходит Ханна, с коляской. Я так потрясена, что опрокидываю чашку с кофе. Бросив несколько монеток на стол, выскакиваю из бара и

---

⁷ Мартин Скорсезе (р. 1942) – известный американский кинорежиссер, продюсер, сценарист и актер.

⁸ «Нетфликс» – американская компания, специализирующаяся на производстве развлекательных фильмов и сериалов.

спешу следом за ней в парк, где вижу, как она садится на скамейку и достает книгу. Затем передумывает, достает спеленатого младенца из коляски и берет его на руки. Но я уже не могу на это смотреть и возвращаюсь домой.

Следующие несколько дней я провожу в баре, у своего окна, заведенная до предела: шея напряжена, глаза прикованы к улице. Это совсем на меня не похоже. Обыкновенно я скорее ленивец, чем сурикат. Я не обедаю здесь, потому что цены, сами понимаете, но продолжаю выпивать бесчисленное количество чашек чая, а лишних денег у меня нет. Это означает, что в этом месяце я задержусь с квартплатой и Эйприл будет недовольна, если учесть, что я отвергла предложенную ею работу. Однако я чувствую прилив энергии. Небывалый душевный подъем. У меня есть цель. Пациенты доктора Лёве говорят, что я выгляжу гораздо более счастливой. Сам доктор Лёве сказал, что я работаю с большим воодушевлением, чем обычно, и поэтому он прибавляет к моему гонорару еще пятьдесят долларов. И миссис Ашер, которая приходит в клинику через день из-за своих аллергий – и прочих воображаемых недугов, поскольку доктор Лёве не перестает повторять ей, что она абсолютно здорова, однако миссис Ашер упорно возвращается, непоколебимая в своей решимости, – замечает на этот счет:

- В вас что-то изменилось.
- Неужели? Ума не приложу, о чем это вы.
- У вас появился кавалер – вот в чем дело.

Я смеюсь, и голова доктора Лёве разворачивается так стремительно, что кажется, будто она сейчас выполнит оборот на триста шестьдесят градусов.

И вот на протяжении следующих десяти дней, если я не управляюсь с телефоном у доктора Лёве, то сижу в баре. Даже не снимаю куртку на тот случай, если Ханна выйдет из дома и придется выбегать на улицу. В каком-то смысле это помогает: благодаря такой эксцентричности обслуживающий персонал считает меня творческой личностью.

Один раз я проводила Ханну до универмага «Бергдорф Гудмен», где, притворяясь, будто копаюсь в телефоне, посмотрела, как она примеряет туфли от «Джимми Чу». Затем Ханна взяла платье от «Валентино», которое продавщица просунула ей в примерочную, и я подумала о том, чтобы примерить шелковую рубашку от «Донны Каран», просто чтобы получить возможность присоединиться к ней: «Прошу прощения, вы не могли бы высказать свое мнение? Как вы думаете, эта рубашка меня полнит?»

В конце концов Ханна купила очень простое черное кружевное платье. Даже не в отделе дизайнерских работ. Сперва я была по вполне понятным причинам удивлена, но затем поняла. Это деньги ее мужа – она притворяется, будто *не желает* их тратить, словно вышла замуж за него не ради них. Словно она правда его *любит*. Тот находит это очень милым, но когда он полностью доверит ей *свои* деньги, она молниеносно нанесет удар и оберет его до ниточки.

Мои рукоплескания, миссис Картер. Отлично сыграно.

Бывают дни, когда я вообще ее не вижу. Ее мужа я видела всего один раз, потому что обычно он берет машину. «Бентли», никак не меньше – у них в особняке на первом этаже гараж, – и я узнала по фотографиям его лицо.

Помимо обычных курьеров и службы доставки, в дом приходит и уходит только один человек. Женщина, старше Ханны, лет сорока. Очень худая. У нее прямая спина, словно ее обучали в армии. Подозреваю, она из прислуги – есть что-то такое в ее движениях, в том, как она спешит, когда приходит и уходит. Особенно когда уходит.

Иногда Ханна берет такси. У нее привычка выходить на Парк-авеню и ловить машину там, поэтому я слежу за ней впустую, после чего возвращаюсь в бар. Однажды я объяснила официанту, что мы снимаем в этом районе и очень важно иметь фотографию; это помогает мне правильно построить сцену. Все это настолько натянуто, что я жду, когда же кто-нибудь из прислуги вызовет полицию или психиатрическую службу: мол, «ребята, вы ничего не замечаете?» Но это Манхэттен, так что, думаю, здесь прокатит все, что угодно.

Пока что Ханна ходила к своему мозгоправу дважды. Мне хочется узнать, в чем дело, поэтому я позвонила и сама договорилась о приеме.

– У доктора Мэлоун есть свободное время пятого декабря, в десять тридцать.

– Пятого декабря? Но это же через несколько месяцев!

– Да, мы очень заняты.

Она, его секретарша, произносит это самодовольным тоном. Как нечто хорошее. Мне хочется указать на то, что для психолога быть занятым означает то, что он не слишком сведущ в своем ремесле. Меня так и подмывает спросить: «Это что, постоянные клиенты, заполнившие всю сетку приемов на несколько месяцев вперед? У вас есть скидки на пакет из десяти посещений? И что это тогда говорит о качестве вашей работы? Меня это очень интересует; психика у меня тоже ни к черту».

– Вас записать на прием?

– Да, пожалуйста.

– Первый сеанс стоит двести семьдесят долларов, – самодовольным тоном объявляет секретарша. Я недовольно фыркаю, после чего притворяюсь, будто кашляю. – Вас это устраивает? – добавляет она.

– Да, все замечательно.

– Если вы отмените визит меньше чем за семь дней до назначенного срока, предусмотрен штраф в размере пятидесяти процентов.

У меня нет никакого желания посещать доктора Мэлоун. Только не за такие деньги. Я меняю местами две цифры в номере кредитной карточки и диктую вымышленный номер телефона.

Глава 4

О том, чтобы Ханна работала у нас, впервые завела разговор Оливия Кортес. Наша няня, имени которой я не помню, выходила замуж и увольнялась, а у матери не получалось найти замену.

По какой-то прихоти судьбы то лето было одним из лучших в моей жизни. Мы с Филиппой, моей лучшей подругой, отправились на целый месяц в лагерь, где обучались верховой езде. Мою лошадь звали Пуговка: восхитительное создание, практически белое, с бурым ромбовидным пятном на носу. Я до сих пор помню прикосновение ее холодного влажного носа к щеке, помню, как она поднимала голову, когда видела меня, и тыкалась в меня мордой, когда я подходила близко.

Я пробыла в лагере всего несколько дней, когда меня позвали к телефону. Сказали, что звонит моя мать. Минут десять мама рассказывала последние новости, после чего сказала:

– Мы нашли новую няню для Джона, я тебе не говорила?

– Вот как? Замечательно! – сказала я, вгрызаясь в красное яблоко и поворачиваясь к окну. Мои мысли уже отключились от разговора.

Моя мать, в то время обладавшая способностью говорить бесконечно, поведала запутанную историю о том, что у ее подруги Оливии Кортес есть в Канаде двоюродный брат, который на ком-то женат, и в конце этой человеческой цепочки была «молодая канадская девушка, которая хочет приехать на лето в Нью-Йорк. Она ищет работу няни. Оливия сказала, что она хочет изучать искусство и именно поэтому собралась приехать в Нью-Йорк».

Я иногда вспоминаю этот разговор. То, как безобидно все выглядело на поверхности. Однако именно это стало началом цепочки событий, которые в конечном счете привели к смерти обоих моих родителей. Меня до сих пор гложет мысль, что я не распознала все с самого начала. Я представляю себя в тот день разговаривающей с матерью по телефону: «Мам, но что тебе известно об этой девушке? Она раньше уже работала няней? У нее есть рекомендации? Ей можно доверять?»

Моя мать была самым ярким светом в моей жизни. Она была красивой, заботливой, умной. Она хотела, чтобы я стала тем, кем пожелаю. Она говорила, что если я захочу, то стану первой женщиной-президентом Соединенных Штатов. Не из-за моих оценок, с которыми все было в порядке, а потому что *девочки* могут добиться всего. «Всего, что ты пожелаешь!» – говорила мать. Меня отправили в частную школу Гротон в Массачусетсе, и я обожала каждую минуту пребывания там. Я проучилась там год к тому моменту, как в нашей жизни появилась Ханна.

В конце концов мама согласилась с предложением Оливии Кортес, потому что если она могла кому-то помочь, то обязательно помогала. Вот такой великодушной она была. И это ее погубило. Но мама искала няню, а та девушка хотела приехать на лето в Нью-Йорк и не могла найти себе работу. Мама не сомневалась в том, что Ханна Уилсон великолепно справится. Но это еще не всё. Если сказать моей матери что-нибудь вроде «она хочет самосовершенствоваться, с удовольствием будет ходить в Музей современного искусства» или что-нибудь в таком духе, то она готова была расшибиться в лепешку, а потому радушно впустила Ханну Уилсон в наш дом и в нашу жизнь, о чем все мы вскоре горько пожалели.

Много лет спустя я случайно встретила Оливию Кортес – подумать только – в торговом центре. Я плюнула ей в лицо. Она даже не поняла, кто я такая.

* * *

Идет уже середина второй недели, и ощущение новизны начинает улетучиваться. Все это было просто замечательно: преследовать Ханну по всему району, наблюдать за тем, как она катает коляску или ест греческий салат в «Бель-Ами», но я этим ничего *не добиваюсь*. Я наделала кучу фотографий, но лучшее, что мне удалось заснять, это то, как она чешет нос, поэтому я выложила в «Инстаграм» именно ее. *#отвратительно*. Я пью так много кофе и чая, что начинаю вибрировать. И постоянно пишу. В довершение ко всему мне пришлось один раз пропустить работу, так как я испугалась, что Ханна отправится в какое-то значительное место, а я это пропущу и ничего не узнаю. Я страдаю от синдрома упущенной выгоды⁹, связанного с Ханной Картер.

– Я заболела, – сказала я доктору Лёве, даже без намека на иронию. – Кажется, это грипп. – Для убедительности я кашлянула несколько раз.

Он вздохнул в телефон.

– В понедельник вы придете?

– Да. – Потому что я обладаю сверхспособностями и точно знаю, когда выздоровею.

В конечном счете в тот день я так ничего и не узнала.

И вот наконец что-то происходит. Та же самая женщина, с прямой спиной, выходит из дома Ханны, но на этот раз она останавливается и роется в большой черной сумке, висящей у нее на руке. Она достает... что это такое? Кажется, какая-то тряпка. До меня доходит не сразу... она плачет?

Я выбегаю из бара, но меня уже опередили. Рядом с ней мужчина. Он что-то говорит ей; его рука у нее на плече, словно он ее утешает. Я тарашусь на них с противоположной стороны улицы, кутаясь в куртку.

– Мисс Петерсен?

Я оборачиваюсь.

– Да?

Официант Билл протягивает мне бумажный стаканчик навывнос.

– Ваш кофе. Вы только что его заказали, и я подумал...

– О, спасибо, это просто замечательно.

Беру у него стаканчик и оборачиваюсь назад. Мужчина продолжает говорить с женщиной, держа ее за локоть. Мне хочется бегом пересечь улицу и вклиниться между ними, но вместо этого я веду себя холодно и спокойно. Достав телефон, притворяюсь, будто читаю что-то на экране, опустив голову, как и все в этом городе. К тому моменту как перехожу на противоположную сторону, я настолько поглощена чтением, что «случайно» натыкаюсь сзади на женщину и обливаю рукав ее плаща своим кофе.

– О господи! Извините! Я вас не увидела...

Тип сверкает на меня неприязненным взглядом. Я сверкаю таким же взглядом в ответ.

– Ой, позвольте! – говорю, забирая платок у женщины и аккуратно вытирая им рукав. – Пожалуйста, извините!

– Всё в порядке, – говорит женщина, слегка пришепetyвая на «с». – Ничего страшного.

Я хлопаю ее по той части плеча, которая не испачкана пролитым кофе.

– Разумеется, я оплачу химчистку.

Мужчине хочется уйти, я это чувствую, но он также тревожится за женщину. Я прищуриваюсь на него.

---

⁹ Синдром упущенной выгоды – навязчивая боязнь пропустить интересное событие или хорошую возможность, провоцируемая в том числе и просмотром социальных сетей.

– Мы вас знаем? – Мой тон сочтется подозрительностью. Я представляю все так, будто это *он* посторонний, лезущий не в свое дело.

Мужчина удивленно отступает назад и качает головой.

– Нет. Извините.

– Ну, в таком случае дальше продолжу я. – Хорошо, что не нужно повторять дважды. Я поворачиваюсь к женщине и кладу руку ей на плечо.

– С вами точно всё в порядке? Я вас не обожгла?

Она начинает что-то говорить, но сразу же заливается слезами.

– В чем дело? Чем вы так расстроены?

Женщина открывает рот. Лицо ее искажено, но она по-прежнему ничего не говорит.

– Вам в какую сторону?

Она качает головой.

– Я... я не знаю.

Я чувствую, как у меня опускаются плечи. Начинаю думать, что она вовсе не прислуга, а престарелая родственница с проблемами памяти.

Она напоминает мне одну женщину, которую я как-то встретила, дожидаясь своих родителей у Центра Линкольна. Ей было за семьдесят, не меньше. Красиво одетая, пальцы нервно теребили ожерелье из крупного жемчуга на шее. Женщина подошла, потому что ей была нужна моя помощь. По крайней мере, так она сказала.

– Конечно. – Тогда я была нормальной. Даже доброй.

Женщина протянула мне листок из перекидного календаря. На нем карандашом были написаны дата и время.

– Ты знаешь, что это такое?

– Мм... нет, извините.

Казалось, она была готова расплакаться.

– Просто дело в том... что я не помню.

Рассудив, что у нее, вероятно, провал в памяти, я указала на номер телефона, записанный под датой и временем.

– Наверное, вам следует позвонить по этому телефону. И вам что-нибудь ответят.

Это еще больше сбilo женщину с толку. Тогда я протянула ей свой телефон – черную «раскладушку». В те времена он считался самым классным.

– Попробуйте позвонить прямо сейчас. Посмотрите, что вам ответят. – Я даже набрала номер.

Схватив телефон, женщина поспешила через площадь, сжимая его в своих высохших костлявых пальцах.

Какое-то мгновение я стояла на месте, оцепенев от неожиданности, а затем бросилась за ней.

– Простите! Вы забрали мой телефон!

Но женщина уже завернула за угол на Амстердам-авеню, и я успела только увидеть, как она села в автобус. Когда тот проезжал мимо меня, я подняла руку, привлекая ее внимание, но она смотрела прямо перед собой. Я так и не смогла понять, то ли она спятила, то ли это была изощренная схема, чтобы добыть мой телефон. Но несколько месяцев спустя я увидела ее еще раз. Наверное, у нее была тяга к искусству, потому что теперь она подошла к нам с мамой, когда мы стояли перед театром «Беласко» на Бродвее, все с тем же листком календаря с каракулями. Женщина попросила маму о помощи, но я потянула ту за рукав.

– Подожди, – сказала я. Встав перед женщиной, протянула руку. – Пожалуйста, верните мой телефон!

По ее разъяренному взгляду было видно: она поняла, что ее раскусили. Но мама ошеломленно окликнула меня:

– Клэр! Что на тебя нашло?

Я сказала, что объясню потом, но, когда обернулась, женщина уже скрылась в толпе. А мама отчитала меня за то, что я была грубой и напугала «бедную старушку».

– Нет, мама. Она собиралась стащить у тебя телефон. Помнишь, я рассказывала тебе про женщину, которая украла у меня телефон?

– Не говори глупости, Клэр. Тот случай не имеет к этому никакого отношения.

В представлении моей матери старуха, укравшая мой телефон, была нищей, бездомной и опустившейся, к тому же страдала деменцией. Она никак не могла быть в сшитом на заказ костюме с жемчужным ожерельем на шее.

...Я снова смотрю на стоящую передо мной женщину, но это определенно не та же самая старуха, даже близко. К тому же той к настоящему времени должно было быть уже лет восемьдесят или девяносто, в то время как этой женщине не больше пятидесяти. И все же это Нью-Йорк. Излишняя осторожность не помешает.

– Она меня выгнала. – На лице у нее потрясение, словно она сама не может до конца в это поверить.

Мой пульс начинает биться чаще от открывающихся возможностей.

– Вас куда-нибудь отвезти? – спрашиваю я, что абсолютно глупо, поскольку машины у меня нет, а заплатить за такси я определенно не могу себе позволить.

У нее дрожит подбородок.

– Мне некуда идти, – говорит женщина. – Совершенно некуда!

– Так, хорошо, дайте подумать. – На какое-то безумное мгновение я подумываю о том, чтобы привести ее к себе домой; затем перебираю различные сценарии того, что за этим последует. Неизвестная женщина останется спать на кушетке? И в конечном счете превратится в страшное нью-йоркское проклятие: гостя, который упорно не хочет уходить? Увеличится ли моя арендная плата?

– Давайте-ка что-нибудь выпьем. Я угощаю. И тогда уже решите, как вам быть дальше.

Глава 5

Я не хочу вести незнакомку туда, где обустроила свой наблюдательный пункт, поэтому мы быстро проходим два квартала к бару в отеле «Плаза», причем я крепко держу ее за локоть на тот случай, если она передумает.

– Там предлагают лучшее мартини на свете, – говорю я, словно постоянно туда хожу. Войдя в зал, провожу свою спутницу к большим красным плюшевым креслам и вручаю ей в руки меню. Она выбирает шампанское «Тайтинже» с ликером «Домэн де Кантон», в то время как я отчаянно листаю страницы в поисках самого дешевого напитка. Но затем отбрасываю осторожность ко всем чертям и заказываю мартини.

– Здесь очень мило, – говорит женщина и, достав телефон, кладет его на стол.

– Правда? Мне здесь очень нравится. – Машу рукой совершенно незнакомой женщине, сидящей за столиком вдалеке, шепотом сообщая своей спутнице: – О, смотрите, это Джоанна Дюбуа.

Дождавшись, когда вернется официант с нашими напитками и приветственной вазочкой с зелеными оливками, я с нетерпением поворачиваюсь к женщине.

– Итак, Диана... вас ведь зовут Диана? Отлично. Итак, кто вас выгнал?

– Я работаю на Картеров. Миссис Картер меня выгнала.

Есть! У меня такое чувство, будто я стерла защитный слой с билета моментальной лотереи и обнаружила, что выиграла пятьдесят долларов.

– Это просто... ужасно. И что вы делали этой миссис Картер?

Диана запрокидывает свой стакан, и, когда она ставит его на стол, он пуст. Я делаю то же самое и быстро подзываю официанта, прося повторить, мысленно вздрагивая от того, какой ущерб это нанесет моей кредитке.

– Я домработница... была домработницей у Картеров.

Я киваю. Официант ставит перед нами наши напитки. С бешено колотящимся сердцем я вручаю ему свою кредитную карточку.

– Оставьте ее у себя до тех пор, пока не принесете счет, – говорю я; затем, дождавшись, когда он уйдет, спрашиваю шепотом: – Вы были домработницей?

Диана кивает, и на этот раз лишь отпивает маленький глоток, оставляя на кромке стакана бледный липкий отпечаток своих губ.

– Да, еще при первой миссис Картер.

– А была первая миссис Картер?

– Да, но они развелись. Мистер Картер оставил меня при доме, что было замечательно.

– Что представляет из себя вторая миссис Картер? Помимо того, что она, очевидно, законченная стерва... – Я смеюсь. Однако Диана морщится, и я поспешно добавляю: – Раз она вас выгнала, хотела я сказать.

Диана кивает.

– Она другая. Совсем не похожа на первую. Я хочу сказать, первая миссис Картер – у нее был стиль. Она была истинная леди. И она была очень занята, постоянно, потому что много работала. А вторая миссис Картер... Она не работает, совсем не работает, так что я не понимаю, отчего она постоянно устает.

– Точно, точно, хороший вопрос... Почему она все время устает?

Диана корчит гримасу, словно ей не хочется в чем-то признаваться.

– У нее маленький ребенок.

– Вот как.

– Я никогда не занималась детьми, тем более малышами. Я понятия не имею, что делать. Как-то раз я предложила миссис Картер нанять отдельную няню, раз она постоянно устает. Та посмотрела на меня так, будто я предложила отправить Мию на Луну.

– Как собаку Лайку¹⁰, – киваю я.

– Как кого?

– Неважно. Продолжайте.

Диана пожимает плечами.

– Это всё.

– Вот как?.. Ладно, хорошо, что насчет мистера Картера? Какой он?

– Очень хороший. Джентльмен старой школы. Всегда спокойный, всегда добрый, очень терпелив в общении с Мией. Но он много работает и потому мало бывает дома. Он – партнер в юридической фирме. Его первая жена также была юристом.

Я мысленно представляю себе свадебные фотографии. Добрый, богатый мужчина, значит? Идеальная мишень для Ханны. У него не было шансов.

– А дом какой у них? Наверное, это что-то, да?

– Красивый. – Диана снова промокает глаза. – Вы бы посмотрели на собрание произведений искусства мистера Картера! Это самый настоящий музей, но только красивее. Я заботилась о его коллекции. Обращалась со всеми вещами очень бережно. Я знала, как мистер Картер их ценит.

– Собрание произведений искусства?

– Большие красочные картины, скульптуры и антиквариат. Такую мебель вы никогда не видели. Он очень красивый, дом Картеров. Но она из другого мира. Это видно за километр. А я не умею обращаться с маленькими детьми, но я старалась как могла, и мне это нравилось. Мне нравилась малышка Мия. Но я же должна выполнять свою работу, вы понимаете?

– Конечно, должны. Если позволите, почему миссис Картер вас уволила?

Диана крутит в пальцах стакан, снова пустой, и я правильно истолковываю намек. Кусая губу, показываю знаком официанту повторить. В настоящий момент я даже не знаю, хватит ли на моей карточке денег, чтобы заплатить за все.

У Дианы на щеках появляются маленькие красные пятна. Она вытирает нос рукавом. Я накрываю ее руку ладонью.

– Я только старалась ей помочь, – говорит она. – Объяснить, как вести себя в том или ином обществе, как управлять домом и все такое. Как я уже сказала, она не первая миссис Картер, и это правда. Ей просто не хватает лоска, понимаете?

Я заверяю ее в том, что прекрасно все понимаю. И тем не менее меня пробирает дрожь при мысли о том, что прислуга осмелилась бы читать мне нравоучения.

– Но почему она вас выгнала?

– Наверное, в какой-то момент я перегнула палку. – Сейчас Диана уже говорит как человек, не привыкший к спиртному, и дело не в том, что у нее заплетается язык, хотя и это тоже есть. Она начинает ходить кругами. Какой хороший человек мистер Картер и как устает миссис Картер. Как вторая миссис Картер не похожа на первую миссис Картер. В какой-то момент она отлучается в туалет, и я украдкой кладу ее телефон себе на колени. Это древний кнопочный «Нокиа», с него можно только звонить и посылать текстовые сообщения. Пароля на вход нет, поэтому я листаю короткий список контактов, нахожу Картеров и фотографирую номер на свой сотовый.

Диана возвращается из туалета и закрывает лицо руками.

– Что мне делать? – стонет она.

---

¹⁰ Собака Лайка – первое животное-космонавт, запущенное в космос 3 ноября 1957 г. на советском корабле «Спутник-2».

Я не верю в ее рассказ про то, почему ее уволили. Начнем с того, что он слишком туманный. Но я прихожу к выводу, что больше из нее ничего не вытяну.

– Извините. Послушайте, эту миссис Картер я совсем не знаю, но вижу, что вы... – я ищу подходящие слова, – женщина надежная. У вас хорошая речь, вы, несомненно, усердно трудитесь и не боитесь работы. Такого человека просто так нельзя увольнять.

Я достаю из сумочки плитку шоколада, ломаю ее на дольки прямо в обертке и открываю зубами. Диана берет предложенную дольку.

– Пожалуй, нам пора идти.

Я не смею спросить, куда она пойдет, и уже придумываю оправдания насчет того, почему она не сможет пойти со мной, когда Диана говорит:

– Наверное, мне лучше позвонить своей сестре. Я поживу у нее, в Куинсе. Она поправляется после воспаления легких, так что будет рада обществу – и помощи, конечно.

– О, замечательно. Замечательно!

– Наверное, мне следует сходить к миссис Картер и попросить у нее прощения, как вы думаете? Возможно, если я объясню, что имела в виду совсем другое... Скажу, что готова помогать ей с малышкой Мией. – Диана непрерывно кивает, вопросительно поднимая брови, словно ожидая того, что я с ней соглашусь.

– Послушайте, Диана, я глубоко сожалею о том, что так произошло. Я думаю, вам лучше пожить несколько дней у своей сестры. Повалитесь на диване. Посмотрите телевизор. Порой Господь посылает нам испытания с какой-то определенной целью. Быть может, где-то совсем рядом вас ждет работа гораздо лучше. Я в этом уверена. Дайте ей шанс. Дайте шанс своему будущему, Диана.

Похоже, она удивлена. Я не понимаю, что именно сказала не так. Затем Диана снимает свой плащ со спинки соседнего стула.

– Спасибо... Клэр, вы были так добры!

Она уже встает, и я прошу ее подождать, показывая знаком принести счет, который моя карточка каким-то чудом покрывает. Начался дождь, и я накидываю на голову капюшон.

– Пойдем к метро вместе?

Диана молча качает головой. Я чувствую, что она хочет, чтобы я ушла, но все равно следую за ней, поскольку вижу, что она хочет вернуться. Это меня злит. Она собирается попросить, чтобы ее взяли обратно. Собирается сказать, что она «так сожалеет, миссис Картер» и пробраться назад. Я не могу этого допустить. В доме Картеров появилась вакансия, и я хочу, чтобы так оно и оставалось.

Диана останавливается напротив дома Картеров. В окне наверху раздвигаются занавески, и появляется лицо Ханны.

Я подхожу к Диане сзади и шепчу ей на ухо:

– О, так это она, да? Я ее знаю. Ее зовут Ханна. Она вас ненавидит, она сама мне это говорила. Она вас терпеть не может и давно искала повода избавиться от вас.

Я оставляю ее там, похожую на мокрую крысу, качающуюся в водостоке всего в нескольких шагах отсюда. Но сходство неполное. Крыса дохлая. Похоже, что ее переехал автобус, после чего она застряла в решетке канализации.

Глава 6

На следующий день в небе ни облачка. В воздухе – свежесть после вчерашнего дождя. Я только что заняла свое место в баре. И тут дверь дома Ханны открывается и появляется она с ребенком на руках. Рядом с – ней пожилая женщина с короткими седыми волосами и обилием драгоценностей, в которой я по свадебным фотографиям узнаю Патси, мать Харви Картера. На ней светло-бежевый плащ, вероятно, от «Барберри», и темно-коричневые брюки. Она целует Ханну в обе щеки, поправляет темные очки и быстро уходит.

Какое-то мгновение Ханна стоит в дверях, качая Мию, затем отступает назад и появляется снова, держа что-то в правой руке.

И тут я вижу в воздухе руки малышки. Она тянется вперед, к почтовому ящику на двери. Ее пухлые пальчики сжимаются и разжимаются, пытаюсь ухватить уголок белого конверта. Я застыла с чашкой кофе на полпути ко рту и жду, что последует дальше. Сердце начинает колотиться чаще, когда я вижу, как Ханна вставляет ключик и просовывает руку под откидную крышку. С одной стороны, я не хочу на это смотреть. С другой – я отдала бы все на свете, чтобы увидеть выражение ее лица, но она слишком далеко от меня.

Какую-то долю секунды Ханна не двигается, а затем начинает причудливый танец – я уже давно не видела ничего настолько смешного. Она словно исполняет чечетку, прыгая вокруг дохлой, все еще мокрой, все еще липкой от крови, расплющенной в блин крысы, которую я вчера вечером запихнула в почтовый ящик. Трясет рукой, словно сумасшедшая, подпрыгивая на месте. Господи, дайте ей трость и шляпу-цилиндр и выпустите на сцену – эта женщина станет звездой комедии! Я придвигаюсь к окну, чтобы посмотреть, где мать Харви, но она уже успела дойти до перекрестка. Она не оборачивается, даже когда Мия начинает завывать.

– Должно быть, вы пишете очень смешную сцену, – говорит стоящий у соседнего столика официант, и только тут до меня доходит, что все это время я хохотала вслух.

* * *

Не хочу хвастаться, но эта крыса была гениальным ходом. Не потребовавшим никаких усилий. Разумеется, Ханна вообразит, что крысу подбросила Диана, разозленная увольнением домработница. Мне не терпится придумать следующее злобное деяние, которое совершит «Диана». К тому моменту как я закончу, у нее будет больше шансов полететь на международную космическую станцию, чем вернуться на прежнее место работы.

Уже почти семь вечера, и в доме Картеров зажглись огни. Я вижу за шторами силуэты, переходящие из одной комнаты в другую, и понимаю, что Ханна сегодня больше не выйдет из дома, но мне пока что не хочется уходить, ибо как часто случаются подобные победы? Эйприл я ничего этого рассказать не могу («Как прошел твой день?» – «Ужасно. Ты ни за что не догадаешься, что я сегодня сделала!»). Но я хочу быть среди людей, мне нужен шум. Я возбуждена, я счастлива, мне хочется выпить. Поэтому я отправляюсь напрямик в «Падди» на Салливан-стрит – убогую, грязную ирландскую пивную, где царит полумрак и дешевые напитки. К тому же она ближайшая к моему дому.

После этого я почти ничего не помню, только бессвязные обрывки: я смеюсь, падаю, рука в татуировках помогает мне подняться. И теперь я не знаю, где я. Солнце ярко светит, вливаясь в комнату сквозь коричневые шторы. Сердце колотится слишком быстро. Голова болит. Меня мучит такая жажда, что язык прилипает к нёбу.

Замечаю рядом с кроватью стакан с водой – по крайней мере я надеюсь, что это вода, – с тончайшим слоем пыли на поверхности. Хватаю его и выпиваю залпом. Затем слышу звуки.

Шум текущей воды. Здесь кто-то есть. Я оттираю лицо ладонью. Она пахнет сексом и табачным дымом. Закрываю глаза и стараюсь вспомнить, как он выглядит. Неясный образ – черные волосы, татуировка в виде плюща, извивающегося по руке. Та же самая рука из бара вчера вечером. Образ фокусируется. Я вижу себя, проводящую пальцем по татуировке, в то время как он глубоко затягивается сигаретой, роняя пепел себе на грудь. «Ты куришь дома?» – Я вспоминаю, как задала этот вопрос, втирая пепел ему в грудь.

– Проснулась? – При звуках его голоса я вздрагиваю.

Он стоит, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Волосы у него мокрые, он гладко выбрит. Не осталось и следа от щетины, щекодавшей мне щеки вчера вечером. Жаль. Было приятно. Одной рукой я натягиваю одеяло, прикрывая грудь, другой чешу голову.

– Привет! – Мне хочется, чтобы он поскорее ушел. Я чувствую себя жирной. Отвратительной. *Раздетой.*

– Ты в порядке?

– Более или менее.

– Похмелье?

Я закатываю глаза, и у меня гулко стучит в висках. Пара неуклюжих мгновений молчания, затем он говорит:

– Кофе на кухне. Приходи.

Но я не покупаюсь на кофе. Одевшись, проскальзываю в туалет, чтобы отлить. Взглянув в зеркало, закатываю глаза, увидев свое собственное отражение. Тушь потекла, образовав темные круги под глазами. Лицо опухло от выпитого. Я шарю в шкафчике и нахожу какие-то таблетки; пытаюсь прочесть этикетку, но не могу сфокусировать взгляд, поэтому просто сгребая их и убираю в карман.

Я не прощаюсь. Просто ухожу.

* * *

Вернувшись домой, я роюсь в своем шкафчике в поисках болеутоляющего, но ничего не могу найти. Наверное, это потому, что последняя пачка закончилась, а купить новую я так и не удосужилась. Плохо. А если Эйприл и запаслась, то держит таблетки где-нибудь там, где я их не найду.

Я ложусь в постель, однако голова болит так сильно, что заснуть не получается. Лениво обвожу взглядом свою крохотную убогую комнатенку. Бывают дни, когда я ничего не имею против, рассматривая это лишь как временное явление. Но в другие дни она вселяет в меня жуткую тоску. Сегодня как раз такой день, поэтому я встаю и продолжаю работу над своим проектом.

* * *

Про Ханну можно сказать одно: она почти не выходит из дома. С другой стороны, я понимаю, почему она не хочет брать Мию с собой к психологу. Доктор Мэлоун возьмет за ребенка дополнительные деньги, я в этом уверена. «Сто семьдесят пять долларов, с десятипроцентной скидкой за десятый визит. Не желаете сразу взять весь пакет?»

Но как же йога для младенцев? Контактный зоопарк? Тренажерный зал для мамы и ребенка? Я недоумеваю, почему Харви никуда не пускает Ханну. Быть может, он из тех мужей, кто держит своих жен на коротком поводке? Или, скажем, вот почему Ханна не покупает себе дорогую одежду; быть может, он выделяет ей лишь микроскопическое содержание? Но они не нищенствуют, я в этом уверена. Я нашла Харви Картера в статье «Самые престижные юридические фирмы Соединенных Штатов». Статья оказалась двухлетней давности, но все-таки... У

фирмы есть отделения в Лондоне и Сингапуре, а ежегодный доход приближается к миллиарду долларов.

Правда, изредка Ханна выходит с малышкой на прогулку, катая ее в коляске, и однажды отправилась в цветочный магазин «Букеты и бутоны» на Парк-авеню. Я заинтересовалась, увидев, как она болтает с каким-то типом. Впрочем, возможно, это тип болтал с ней. Внешне все выглядело достаточно невинно, никак не свидание любовников, но, опять же, кто может знать, какое зло таится в ее черном сердце?

Я знаю.

В общем, проходят дни. Много дней! Я не покидаю свой пост на случай чего-либо непредвиденного: например вдруг снова объявится кающаяся Диана со своим разбитым сердцем... Чтобы быть уверенной в том, что ее не примут обратно, я сделала несколько поздних анонимных (шепелявых) звонков. «Чтоб ты сдохла, миссис Картер!» Сколько радости! Но мне необходимо сохранять бдительность, поэтому я снова звоню на работу и говорю, что заболела. «Опять? Что с вами?» Я слышу в голосе доктора Лёве разочарование. Порой приходится напоминать себе, какой же он извращенец.

Но вот наконец – о чудо! – женщина лет пятидесяти с лишним с большим кожаным чемоданчиком, в шерстяном пальто (подумать только!) звонит в дверь, как раз тогда, когда я уже начинаю подумывать о том, чтобы уйти. Человека, пришедшего на собеседование, всегда легко узнать, потому что: а) на нем надето то, что плохо сидит и совершенно не соответствует погоде; б) если он очень хочет произвести впечатление, то у него в руках папка, портфель или какой-нибудь кожаный чемоданчик, в котором лежат его жалкое резюме и рекомендации, половина из которых все равно липовые; и в) он ищет номер дома, что как раз и сделала эта женщина. Я сама недавно проходила собеседование, и все три пункта были выполнены.

Когда незнакомка выходит из дома, я уже на позиции – со своей пухлой папкой, являющейся частью моего реквизита в баре, так что тут мне повезло. Я натыкаюсь на женщину. Какая же я неуклюжая! Это все потому, что не смотрю, куда иду. Ведь так? Я полностью поглощена тем, что смотрю на номера домов.

– Извините! Право, сегодня не мой день. У меня через пару минут собеседование, но я, должно быть, неправильно записала адрес, потому что людям в тридцать шестом доме репетитор по математике определенно не нужен! Блин... да, кстати, мне нравится ваше пальто.

Женщина хмурится и поджимает губы – недовольна.

– Репетитор по математике? Я только что была там по поводу места домработницы, – она показывает за спину на дом Картеров, – но девочка еще младенец, и репетитор по математике ей вряд ли нужен!

Я притворяюсь, будто проверяю свои записи.

– Гм... определенно, про работу по хозяйству тут ничего не говорилось. Какое агентство вас сюда направило?

Женщина подозрительно прищуривается.

– «Подбор домашней прислуги». А вас?

– Нет, не «Подбор домашней прислуги»... Плохо! Ладно, спасибо за помощь и удачи!

Глава 7

Мне просто нужна рекомендация, после чего я свяжусь с этим «Подбором домашней прислуги». Я скажу, что ищу место домработницы, с проживанием, предпочтительно с маленькими детьми, поскольку я так их люблю. И я очень-очень хорошо знаю свое дело – вы только взгляните на мою рекомендацию.

У меня в Коннектикуте есть двоюродная сестра – точнее, троюродная. Ее зовут Эмили. Она старше меня, и мы с ней не виделись уже много лет, но, когда я была маленькой, мы приезжали к ним в гости. После смерти моих родителей Эмили забрала нас с моим братом Джоном к себе, и мы какое-то время жили у нее. Я не питала к ней никаких чувств, в основном потому, что очень сильно переживала и чувствовала себя потерянной. Любому человеку нелегко пройти через такое. У Джона получилось значительно лучше – наверное, потому, что он был гораздо младше меня. Я знаю, что брат поддерживает отношения с Эмили, и последним, что я о нем слышала, было то, что он учится в каком-то колледже. В каком, я не знаю. Мне на это плевать.

Про Эмили можно сказать только то, что тогда она ни разу не пришла в суд, чтобы поддержать нас. Но потом, когда мы перебрались жить к ней, как-то раз спросила у меня, чуть ли не шепотом:

– Он правда совершил все это? Ваш отец?

После этого я стала смотреть на нее другими глазами.

Мы обмениваемся открытками на Рождество – под этим я подразумеваю то, что Эмили присылает мне открытку, а я рассеянно говорю себе, что надо будет в следующем году ответить ей тем же, после чего выбрасываю ее открытку в мусорное ведро. Время от времени я звоню ей, просто чтобы сказать: «Привет!» Обычно когда бываю пьяной.

Если Эмили и удивлена моему звонку, то не показывает этого. Мы неуклюже говорим о ее детях, она спрашивает, поддерживаю ли я связь с Джоном, я отвечаю, что нет, она приглашает в гости. Где-нибудь в районе Дня благодарения. Я отмечаю, что она не говорит «на День благодарения». Эмили говорит, что в городе, должно быть, жутко жарко, даже несмотря на то что лето еще не наступило, а у них по крайней мере дует ветер с моря. Я соглашаюсь с каждым ее словом.

Когда все темы для разговора исчерпываются, Эмили выжидает немного, после чего спрашивает:

– Клэр, у тебя всё в порядке? Тебе не нужны деньги?

Я никогда не просила у нее денег. Никогда. Да, я краля у нее небольшие суммы, подделывая ее подпись на чеках. На самом деле я научилась так хорошо подражать ее почерку, что однажды, когда захотела получить освобождение от уроков плавания, поскольку надо мной издевались из-за моего веса, написала пространное подробное объяснение того, почему хлорка плохо воздействует на мою кожу и поэтому мне ни в коем случае нельзя с ней соприкасаться. Через несколько недель Эмили нашла эту объяснительную записку, скомканную, на дне моего портфеля.

– Нам нужно заняться твоими проблемами с кожей, – сказала она.

У меня не было никаких проблем с кожей, но Эмили поверила в то, что действительно написала эту записку, а потом забыла.

– Деньги мне не нужны, – сказала я. «Мне нужна твоя любовь, у тебя не найдется чуточку?» – Я хочу попросить тебя о небольшом одолжении.

– Вот как? О каком?

– Я собираюсь разыграть одну свою подругу. Это долгая история, но я подумала: можно мне использовать твое имя для рекомендации? На должность домработницы.

– Какой еще домработницы? Во имя всего святого, о чем ты говоришь?

До сих пор у меня в голове все было четко и разумно, однако теперь ничего этого определенно не осталось.

– Мне просто нужен такой человек, как ты, с твоим... положением, чтобы поручиться за кого-то. Тебе нужно будет только сказать, что ты знаешь эту женщину и она три года проработала у тебя домработницей. И показала себя с лучшей стороны. И ты готова порекомендовать ее кому угодно. Ну как? Ты сможешь это сделать?

– Ты хочешь, чтобы я поручилась за женщину, которую никогда в глаза не видела?

– Это всего лишь розыгрыш, Эмили. Объяснять долго, но я буду очень признательна, если смогу в рекомендательном письме сослаться на тебя.

– Даже не знаю...

– Эмили, пожалуйста, сделай это ради меня!

– Даже не знаю, Клэр... Мне как-то неуютно.

– Это же пустяки, розыгрыш, как я уже говорила...

– В таком случае почему ты не попросишь кого-нибудь из своих друзей? Извини.

– Эмили!

Она непоколебимо стоит на своем, и на этом все заканчивается. В итоге я обрываю разговор, не попрощавшись, бормочу телефону: «Да пошла ты!» и какое-то время грызу ногти. Затем звоню доктору Лёве. Сообщаю ему, что увольняюсь. Что устраиваюсь на новую работу и мне нужна рекомендация. «Мне бы очень хотелось, чтобы вы сказали, что я работала домработницей у вас с миссис Лёве и показала себя чрезвычайно надежной. Все было просто идеально. Вы сожалеете о том, что расстаетесь со мной. (По крайней мере, эта часть была правдой.) И я замечательно обращаюсь с детьми. Да, и еще я прекрасно ухаживала за вашей коллекцией произведений искусства. Что, у вас дома нет никаких произведений искусства? Да нет, есть, доктор Лёве!»

– Чокнутая, – бормочет он и вешает трубку.

* * *

В конце концов я звоню в агентство. Говорю: «Это миссис Картер». Секретарша такая милая, очень дружелюбная... «Миссис Картер! Как поживаете! Минуточку, я соединю вас с Карлоттой».

Я говорю Карлотте, что забегалась и не могу вспомнить, когда у меня собеседование со следующей соискательницей и как ее зовут.

– Луиза Мартин. Завтра в одиннадцать утра.

– А! Ну да, конечно. Вы не могли бы попросить Луизу прийти завтра в десять утра? Как я уже говорила, дел по горло, я вся забегалась! Я просто сойду с ума!

Затем я создаю адрес электронной почты, с которого затем свяжусь с Ханной: hsgsolutions@gmail.com (потому что просто hsg@gmail.com, естественно, уже занят)¹¹. Я указываю имя отправителя «Подбор домашней прислуги» и добавляю в заголовок их логотип.

Решаю не идти в бар. Вместо этого собираюсь немного выспаться, чтобы на следующий день не выглядеть как человек, который всю ночь пьянствовал. Я даже захожу в бакалейную лавку и покупаю два пакетика макарон с сыром для нас с Эйприл. Вечером мы сидим вместе на диване и смотрим сериал «Карточный домик»¹², и когда я говорю, что иду спать, она обнимает меня и произносит:

– Знаешь, я очень за тебя беспокоюсь. Вот почему я порой злюсь.

---

¹¹ HSG – аббревиатура от *англ.* Housekeeping Solutions Group, т. е. «Подбор домашней прислуги».

¹² «Карточный домик» – американский сериал в жанре политического триллера.

И у меня перед глазами все плывет, потому что никому больше нет до меня дела, кроме Эйприл.

...На следующий день, в десять часов утра, я роюсь в сумочке перед дверью дома Картеров, когда приходит Луиза Мартин, точно в назначенный срок. Она выше меня ростом и более стройная, с короткими каштановыми волосами, но мы с ней примерно одного возраста. Позднее мне предстоит выяснить, что мы с ней ровесницы. Это очень хорошо.

– Прошу прощения, – с улыбкой говорит Луиза, – мне туда.

Я поднимаю взгляд.

– О! Что ж, в таком случае мне лучше освободить вам дорогу. – Улыбаюсь, затем склоняю голову набок. – Вы ведь новая домработница, да?

– Прошу прощения?

– Просто я приехала на собеседование аж из Нью-Джерси, и вот, – я тычу большим пальцем в дом за спиной, – она только что сказала мне, что место домработницы уже занято. – Я корчу гримасу.

– Занято? – Луиза широко раскрывает глаза.

– Сегодня утром. Огромное спасибо за то, что сообщили мне, верно? – Я качаю головой. – Жаль, что агентство меня не предупредило. Я проделала такой путь, и всё впустую... Ладно, вы тут ни в чем не виноваты, даже если это вы. Я на вас не в обиде. Надеюсь, работа доставит вам удовольствие. Так *где* там моя карточка на метро?

Она очень огорчена, эта Луиза Мартин. Нет, она не новая домработница, и она также приехала на собеседование издалека. Она собирается куда-нибудь позвонить и потребовать объяснений. Я проявляю сострадание.

– Не хотите чашку кофе? Я угощаю.

Веду ее в «Старбакс» и покупаю ей чашку кофе и пирожное с карамелью. Пока мы ждем заказ, я иду в туалет и звоню в агентство Карлотте. «Это Ханна Картер. Сожале-е-ею, но я уже наняла домработницу. Да, совершенно верно. Да, пожалуйста, предупредите всех остальных кандидатов. Нет, спасибо!»

Полчаса спустя мы выходим из кафе, целуемся на прощание и обещаем друг другу быть на связи, особенно если одна из нас что-нибудь узнает. У меня есть еще пятнадцать минут до того, как Ханна будет ждать Луизу Мартин, а я уже узнала о ней все, что было нужно. Я готова.

Глава 8

Мы с Ханной Уилсон встречались всего один раз, мельком, но видели друг друга в суде и по телевизору. Я была уверена в том, что она меня не узнает, но сегодня, в четыре утра, проснулась в панике. А если узнает? Я отправилась в круглосуточную аптеку за углом и купила краску для волос. А затем коротко остригла волосы перед зеркалом в ванной, кромсая их ножницами. С каждой отрезанной прядью я думала о ней.

«Пришло время расплаты, миссис Картер!»

Щелк.

Я сказала себе, что если будет хоть какой-нибудь намек на то, что она меня узнала, я солгу – скажу, что уже нашла другое место и пришла только для того, чтобы предупредить. А потом уйду. Однако я уже давно заметила, что люди не особо присматриваются к прыщавой коже. К тому же мне доверяют. Мое лицо внушает доверие. Так было не всегда; в свое время обо мне говорили жуткие вещи и неоднократно называли придурочной. Но я преодолела это. Научилась себя держать. Тренировалась перед зеркалом до тех пор, пока не добилась совершенства. Непроницаемое лицо, доброе лицо, сочувствующее лицо, лицо, внушающее доверие...

К тому времени как я в назначенное время подхожу к каменному особняку Картеров и кладу палец на кнопку звонка, я чувствую, что совершаю очень-очень большую ошибку. Я говорю себе развернуться и уйти. Время еще есть, однако ноги мои трясутся, они меня не слушаются, и вот уже дверь распахивается настежь, и на пороге стоит Ханна Картер, с улыбкой на лице, протягивая мне руку.

– Здравствуйте, вы, должно быть, Луиза... Проходите! Я Ханна Картер.

Я уже две недели наблюдала за Ханной, но все равно видеть ее вблизи – это шок. У нее восхитительная кожа, как персик, однако серые глаза покраснели от усталости. Подозреваю, тут сыграли свою роль мои ночные звонки. Просто замечательно. Она в простой белой рубашке и джинсах, на ногах балетки. Помимо обручального кольца, единственное украшение на ней – бриллиантовые сережки. Я вяло пожимаю ей руку и шагаю в дом, не в силах поверить в то, что нахожусь здесь.

Прихожая роскошная, со светлыми стенами, украшенными красочными картинами и лампами в стиле ар-деко, а пол выложен темной мозаичной плиткой. По обеим сторонам два антикварных столика, с веселыми букетами желтых цветов. Вдоль одной стены стоит зеленый бархатный диван, а в противоположном конце – винтовая лестница, извивающаяся наверх.

– Знаю, просто замечательно, правда? Надеюсь, вас это не смущает.

Я поворачиваюсь к ней лицом и стараюсь сосредоточиться. Ханна Картер улыбается мне. Она считает меня двадцатичетырехлетней домработницей, ищущей новое место. Я всматриваюсь в ее лицо, жду, что она меня узнает, оглядываюсь на дверь, однако Ханна ведет себя совершенно естественно. Кажется, мой трюк удался.

– Вовсе нет, миссис Картер. У вас очень красивый дом.

– Спасибо! Но, знаете, я тут ни при чем. Это не я его оформляла. Будь моя воля, здесь, во-первых, было бы гораздо больше красок.

– Люблю яркие краски, – жизнерадостно говорю я. Но чувствую, как на затылке собирается влага, а по шее стекает струйка пота.

Мы проходим на кухню. Она меньше, чем я ожидала. Ханна указывает на табурет у стола. Я выдвигаю его, и он громко скрежещет по плитке пола. На столе лежит большой блокнот.

– Итак... Луиза Мартин.

– Она самая. – От нее исходит аромат тех же самых духов, какими пользовалась моя мать, и это оказывается для меня таким неожиданным потрясением, что на какое-то мгновение я лишаюсь способности дышать.

Ханна открывает шкафчик, достает две кружки и спрашивает:

– Не хотите кофе? Или чая?

– Буду очень признательна за чай, благодарю вас. – Я встаю. – Так... позвольте мне, миссис Картер. А вы сидите.

Мне лучше чем-нибудь заняться. Это поможет скрыть смущение, и прежде чем Ханна успеет возразить, я ставлю чайник на плиту, наугад открываю шкафчики, пока не нахожу заварочный чайник, и вот у меня два пакетика чая – по одному в каждой руке. Вопросительно склонив голову набок, я спрашиваю:

– Вам какой? С мятой? Или с бергамотом?

– Давайте с мятой, – говорит Ханна. – Я не знаю, как давно здесь лежат пакетики с бергамотом. Определенно, они появились еще до меня. – Она смеется.

– Я надеялась, что вы выберете с мятой.

Затем, повинувшись порыву, открываю мусорное ведро и выбрасываю в него другой пакетик. Ханна издает смешок, когда я ставлю перед ней дымящуюся кружку. Я чувствую, что она расслабилась. Я ей нравлюсь. Я решаю стать глотком свежего воздуха. Дружелюбной, не слишком подобоострастной, радостной. Дианой наоборот.

Ханна спрашивает меня про моих предыдущих хозяев, мистера и миссис Ван Кемп, у которых я, согласно резюме Луизы, проработала пять последних лет.

– Кстати, у вас великолепные рекомендации, – замечает она. – Просто блестящие.

– Спасибо. Мне очень нравилось работать у мистера и миссис Ван Кемп. Я с сожалением с ними рассталась.

– Почему вы от них ушли?

Я обхватываю кружку обеими руками.

– Из-за матери. Она заболела – рак груди. Мы с ней остались вдвоем; мой отец умер несколько лет назад. Я просто не могла допустить, чтобы мама боролась с болезнью одна, понимаете?

– Она...

Я качаю головой и счастливо улыбаюсь.

– О нет, сейчас у нее всё в порядке. Можно даже сказать, замечательно. Слава богу, ремиссия. Но лечение было изнурительным. Все эти сеансы химиотерапии, они просто выматывают... А сейчас все хорошо.

– Рада это слышать, – говорит Ханна.

Она возвращается к своему блокноту, и я думаю: «Только не врежь ей в морду. Подожди!»

– Мой муж собирает произведения искусства, как вы, возможно, уже успели заметить. У него в коллекции есть несколько ценных работ, некоторые из них находятся в этом доме.

– Да, я уже видела. Очень красиво.

– У вас есть опыт ухода за антиквариатом и произведениями искусства?

Я готова к этому вопросу.

– Миссис Ван Кемп, моя предыдущая хозяйка, очень любила искусство и показала мне, что делать. Это было самое любимое мое занятие. Я просто обожала возиться с этими прекрасными картинами. – Рассказываю нудные, утомительные подробности про защитные хлопчатобумажные перчатки и потные ладони, акриловые и масляные краски, когда нужно чуточку смачивать тряпку. Тру друг о друга большой и указательный пальцы. – Главная проблема – это пот. Он может оставлять следы – и на мебели тоже. Я предпочитаю использовать мягкие тряпочки. Сухие, если только не нужно протереть живописные полотна, потому что они притягивают пыль, вы не замечали? Воздух в городе сильно загрязнен, и с годами накапливается слой грязи. В общем, для картин немного воды на тряпке – это то, что надо. Но только изредка.

Кажется, я начинаю говорить так, будто ошиблась с выбором работы. *Ей нужна домработница, а не музейный хранитель.* Однако Ханна улыбается и говорит:

– Мой муж будет от вас в восторге.

А я думаю: «Подожди, крошка, он еще увидит мои сиськи!»

Она что-то записывает в блокнот, а я все это время не отрываю взгляда от ее лица. Мое сердце колотится так сильно, что я чувствую его в своем горле. Ханна действительно понятия не имеет, кто я такая! Это кажется мне невероятным, поскольку я, напротив, настолько остро чувствую ее, что у меня дрожат все фибры души. В плохом смысле.

– У нас есть грудная девочка. Сейчас она спит, слава богу. – Ханна бросает взгляд на детский монитор на столе. Малышка Мия крепко спит на зернистом сером экране. – Ей почти четыре месяца. Нам – точнее *мне* – нужно, чтобы кто-нибудь помогал заниматься с ней. – Ханна делает виноватое лицо, показывая, что ей нужно лучше стараться. Словно опасается, что я сочту ее плохой матерью.

Я широко улыбаюсь, успокаивая ее.

– Я люблю детей. Я помогала Ван Кемпам ухаживать за детьми. У них их трое. Бетани, младшей, был год, когда я начала работать. Миссис Ван Кемп как раз собиралась выходить на работу, и я ей очень помогла. Это было просто прекрасно. Я получала огромное наслаждение, занимаясь ребенком. – Бла-бла-бла.

Ханна крутит в пальцах золотую с красным ручку «Монблан», постукивая ею по мраморной столешнице.

– Замечательно, – говорит она. – Бальзам на мою душу.

Не могу оторвать взгляда от ее руки, поскольку эта ручка стоит под тысячу долларов, а Ханна играет ею, как пластмассовой дешевкой из супермаркета. У меня мелькает мысль, что, если она в ближайшее время не прекратит, надо будет отобрать у нее ручку. «Прекрати играть с ней! Такая ручка заслуживает уважения!»

– Миссис Картер... – Я указываю на ее руку.

– Да?

– Просто вы все время стучите ручкой по столу, возможно, сами того не замечая.

– Неужели? Да, вы правы, я этого не замечала...

– Это ведь «Монблан». Правильно?

Ханна крутит ручку в руках и смотрит на нее так, будто видит впервые в жизни.

– Да. А вы откуда знаете?

Я указываю на колпачок.

– Вот этот маленький золотой символ в виде заснеженной вершины. У миссис Ван Кемп тоже есть такая, но только черная с белым. Она обращается с ней очень бережно. Эти ручки такие дорогие, и я просто подумала... извините, мне нужно было бы промолчать.

– Нет, спасибо, я вам признательна. Это подарок моего мужа, на рождение нашей дочери. – Ханна улыбается. – Когда родилась Мия, он целую неделю заваливал меня подарками. Очень мило, правда? Харви расстроится, если я ее сломаю... – И мы обе смеемся нашей мягкой шутке над мистером Картером и его дорогими подарками.

– Даже чернила особенные, взгляните! – Ханна черкает в углу страницы и показывает мне. – Барбадосская синева. Вы знали, что существует так много различных оттенков синих чернил? – Она качает головой, словно поражаясь нелепости всего этого, однако меня не проведешь. Я готова поставить бутылку хорошего виски, что она прекрасно знает, сколько стоит эта ручка. Судя по всему, это ограниченная серия. Уверена, Ханна сама ее выбирала.

Она откладывает блокнот.

– Возможно, это вопрос личного характера, но мне просто любопытно. Почему вы захотели работать здесь, я имею в виду домработницей с проживанием? Вам ведь только... – загля-

дывает в мое резюме, – двадцать четыре года. Вы могли бы пойти учиться; есть много других занятий, которым можно было бы посвятить свою жизнь.

К счастью для меня, Луиза сегодня была крайне болтлива.

– Я откладываю деньги, миссис Картер. Это мой пятилетний план... по крайней мере я так надеюсь. Я люблю шить, создавать одежду, но не смогу откладывать деньги, если буду снимать жилье. Я рассчитываю за пять лет накопить столько, сколько хватит на открытие собственного дела. Свой магазин одежды, возможно, в Куинсе. – Игриво пожимаю плечами. – Понимаю, каким безумием это кажется – открыть собственное дело...

– Все нет, что вы! Вы даже представить себе не можете, как я вас понимаю! Думаю, у вас получится не хуже, чем у других.

– Спасибо. Искренне надеюсь, что я сейчас не выстрелила себе в ногу, поделившись своим пятилетним планом! – Смеюсь.

– Разумеется, нет. Мне бы хотелось узнать о вашем пятилетнем плане больше. Как знать, возможно, вы вдохновите меня на собственный пятилетний план...

И тут Ханна спрашивает:

– Что такого вы привнесете в эту работу, чего, возможно, нет у других соискательниц?

Я задумываюсь. Даже устремляю взгляд в окно.

– На самом деле я просто усердная и добросовестная. – Я впервые в жизни использую эти слова, чтобы описать себя. Даже добавляю что-то насчет «трудовой этики», от чего, учитывая то, как Ханна обошлась с нашей семьей, когда работала на нас, мне хочется разразиться гомерическим хохотом.

Затем мне рассказывают про объем работы. Пять этажей, шесть спален, семь ванных комнат, миллион гостиных, комната для завтраков, комната для просмотра телевизора, паркет, ковры, белье. Ханна перечисляет все мои обязанности. Уборка в ванных, уборка на кухне, покупка продуктов, мойка холодильника, вынос мусора, уход за растениями... У меня стекленеют глаза, и приходится ущипнуть себя, чтобы не заснуть.

– Вас это устраивает?

Я мысленно перебираю все возражения, которые могла бы выдвинуть. Например что в сутках ограниченное количество часов, всего двадцать четыре, если не ошибаюсь. А поскольку они живут здесь втроем – она, муж и малышка, – как насчет того, чтобы найти что-нибудь поскромнее? И еще, Диана выполняла всю эту работу одна? Я так не думаю. Она не произвела на меня впечатление сверхчеловека. Но, с другой стороны, к чему суетиться? К тому времени как я здесь закончу, чистота помещений будет меньшей из забот Ханны.

– Абсолютно, – отвечаю я. – Все замечательно.

Когда мы спускаемся вниз, я спрашиваю у нее:

– Вы просмотрели большое количество кандидатов?

– Нет. На самом деле мало кто хочет жить у хозяев и работать без выходных. Вот почему я задала вам этот вопрос. Пока что я встретила с двумя женщинами, но они мне не подошли. Да, кстати, чуть не забыла: когда вы сможете начать? Потому что это очень срочно.

В этот момент я понимаю, что постаралась на славу. По крайней мере первый раунд я прошла. И самое смешное то, что я успеваю заметить, как Ханна, прежде чем закрыть за собой дверь, рассеянно оглядывает улицу, и понимаю, что она ищет сумасшедшую Диану. Которая подбрасывает ей в почтовый ящик дохлых крыс и звонит по ночам с гнусными угрозами.

Глава 9

Я выжидаю тридцать минут. Дольше нельзя: Ханна может позвонить в агентство и начать распространяться о «Луизе Мартин». Набирая номер, мысленно молюсь о том, чтобы она уже не сделала этого. Ханна берет трубку после первого гудка, и когда я называю себя, ее тон становится несколько озадаченным, но теплым, и я, расслабившись, выдыхаю:

– Миссис Картер, надеюсь, вы ничего не имеете против? Ваш номер мне дали в агентстве; там заверили, что это нормально... Просто... ну, мне предложили другое место, понимаете?.. Да, только что, но я хотела узнать, вдруг... ну, буду с вами откровенна, вы мне очень понравились и я в восторге от того, что мне предстоит помогать вам заниматься малышкой, вот мне и захотелось узнать, вы уже определились на мой счет, в ту или другую сторону?.. О, правда? Это просто восхитительно! Я так счастлива, миссис Картер, вы не пожалеете, обещаю! Нет, всё в порядке, я сейчас сама позвоню в агентство и предупрежу их. Мне это не составит никакого труда; будет лучше, если я сама сообщу им. Огромное вам спасибо, миссис Картер!

Затем я отправляю с фальшивого электронного адреса «Домашней прислуги» заранее составленное письмо.

Уважаемая миссис Картер!

Мы рады известить вас, что мисс Луиза Мартин приняла ваше предложение места домработницы с проживанием. Луиза приступит к работе в понедельник, бла-бла-бла, мы вышлем вам счет после оговоренного испытательного срока, бла-бла-бла.

Ханна отвечает практически сразу же, заверяя, что с нетерпением ждет, когда Луиза станет частью семьи. Я нахожу это крайне странным в отношении новой прислуги и при других обстоятельствах не на шутку встревожилась бы.

Все это может быть рискованным, но не слишком. Главное – предвидеть, что собирается делать дальше другая сторона, и оставаться на шаг впереди. Я не собираюсь задерживаться надолго: добьюсь своей цели, и ноги моей больше не будет рядом с Ханной. Мне нужна сатисфакция. Я хочу заставить ее признаться в том, что она сделала со мной и с моей семьей. Признаться в том, что все это – ложь. Публично. Может быть, кто-то скажет, что такое невозможно, но эти люди не настроены так решительно, как я. Мне представился случай, который выпадает раз в жизни. И если я при этом смогу добиться того, чтобы Ханне стало плохо настолько, что ей не захочется больше жить... это будет замечательно.

Вечером я сообщаю Эйприл, что уезжаю в Питтсфилд. Ненадолго, всего на неделю-две. Чтобы побыть со своей двоюродной сестрой. Она нездорова. Воспаление легких. Страшная болезнь.

– О! Она поправится? – Эйприл втыкает ложку в креманку с ванильным мороженым.

Я уже доела свое и провожу по креманке пальцем, облизывая его.

– Обязательно.

Подруга убавляет громкость телевизора.

– Ты надолго?

Я размышляла над этим вопросом целый день. Сколько времени мне потребуется для осуществления своего плана? Давайте посмотрим. Первый шаг: проникнуть в дом, осмотреться. Второй шаг: соблазнить Харви. Тут кто-то может рассмеяться: подумать только, я, угрюмая, жирная, некрасивая, совращаю такого мужчину, как Харви, в то время как у него под боком есть такая женщина, как Ханна! Однако я предложу ему не любовь. Я предложу ему свой тяжелый труд, и даже больше. Все то, что не станет делать его жена, притом бесплатно. Покажите мне мужчину, который от этого откажется.

На самом деле не бесплатно, вот только платить придется Ханне. Потому что я сниму на свой телефон несколько хороших видео, на которых буду разыгрывать роль *робкой, стеснительной* домработницы. Если вынудить Харви отвесить мне затрещину, тем лучше. Есть и такие мужчины. Однако на самом деле подойдет все, что показывает: «Он меня заставил». И вот тут наступает очередь третьего шага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.